

Т еатр В Театре

зарубежные
авангардные пьесы
1940–1970
годов

Альбер Камю

**Театр в театре. Зарубежные
авангардные пьесы
1940–1970-х годов**

«Алетейя»

1940–1970

УДК 821-2
ББК 84(0)6-6

Камю А.

Театр в театре. Зарубежные авангардные пьесы 1940–1970-х годов
/ А. Камю — «Алетейя», 1940–1970

ISBN 978-5-906860-66-8

Авангардные пьесы 1940-х–70-х годов связаны в сборнике «Театр в театре» двойным узлом: во-первых, все они устроены наподобие шекспировской «мышеловки» из «Гамлета»: актёры разыгрывают для других актёров спектакль, за которым наблюдает публика из зрительного зала; во-вторых, перевод этих пьес был опубликован в конце 1970-х годов в самиздатском журнале «Часы» – своеобразном «театре в театре» советской культуры. Французские пьесы («Калигула» А. Камю, «При закрытых дверях» Ж.-П. Сартра, «Стулья» Э. Ионеско, «Балкон» Ж. Жене) переведены Борисом Останиным, часть из них вместе с Татьяной Шапошниковой. Американская пьеса Д. Мэмета «Жизнь в театре» была предложена для постановки режиссёру Г. Товстоногову. Её перевели Елена Шварц и Борис Останин, в 1983 году была опубликована в журнале «Часы», на сцене она не появилась. Тексты этого сборника – образцовые исследования природы театра, философии костюма, драматерапии и театральной закулисы. «Балкон» и «Жизнь в театре» вошли в сборник «Кто сломается первым» (М.: Опустошитель, 2018). Все переводы заново отредактированы. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821-2
ББК 84(0)6-6

ISBN 978-5-906860-66-8

© Камю А., 1940–1970

© Алтейя, 1940–1970

Содержание

Альбер Камю	7
Действие первое	8
Действие второе	17
Действие третье	29
Действие четвёртое	37
Жан-Поль Сартр	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Театр в театре

©Коллектив авторов, 2019

© Б. Останин, Т. Шапошникова, Е. Шварц, пер. на русск. язык, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Альбер Камю Калигула¹

Пьеса в четырёх действиях

Действующие лица:

Калигула
Цезония
Геликон
Сципион
Кассий Керей
Сенектий – старый патриций
Метелий, Лепид, Октавий – патриции
Патрикийан – управляющий дворцом
Мерей
Муций
1 – й стражник, 2 – й стражник
1 – й слуга, 2 – й слуга, 3 – й слуга
Жена Муция
Шесть поэтов

Действие происходит во дворце Калигулы.

Между первым и вторым действием проходит три года.

¹ Первая публикация: «Часы», № 7 (1977).

Действие первое

Сцена 1

В дворцовом зале толпятся патрици. Они встревожены.

1 – й п а т р и ц и й. Его по-прежнему нет.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Утром не было, вечером тоже.

2 – й п а т р и ц и й. Уже три дня.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Гонцы прибывают ни с чем.

2 – й п а т р и ц и й. Все окрестности обысканы. Что делать?

1 – й п а т р и ц и й. Не стоит зря волноваться, подождём немного. Как ушёл, так и вернётся.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Я был здесь, когда он покинул дворец. Видели бы вы его глаза!

1 – й п а т р и ц и й. Я тоже был и спросил, что с ним.

2 – й п а т р и ц и й. Что он сказал?

1 – й п а т р и ц и й. Одно слово: «Ничего».

Пауза. Выходит Геликон. Он жуёт луковицу.

2 – й п а т р и ц и й (*по-прежнему встревоженный*). Дело серьёзное.

1 – й п а т р и ц и й. Полно, молодёжь вся такая!

С т а р ы й п а т р и ц и й. С годами пройдёт.

2 – й п а т р и ц и й. Вы так думаете?

1 – й п а т р и ц и й. Скорее бы он её забыл.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Ничего, одну потерял – десяток найдёт.

Г е л и к о н. С чего вы взяли, что это из-за любви?

1 – й п а т р и ц и й. А из-за чего же?

Г е л и к о н. Печень, например, разболелась. Или вас надоело видеть. Если бы наши ближние могли менять физиономии, их было бы куда легче выносить. Но в меню, увы, никаких перемен – всё одна и та же свиная отбивная.

С т а р ы й п а т р и ц и й. А я предпочитаю думать, что причина всего – любовь. Это так трогательно!

Г е л и к о н. А главное – успокаивает! Вот болезнь, которая не щадит ни умных, ни глупых.

1 – й п а т р и ц и й. Как бы там ни было, любому горю наступает конец. Признайтесь честно, могли бы вы страдать больше года?

2 – й п а т р и ц и й. Нет.

1 – й п а т р и ц и й. И никто не может.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Иначе жизнь стала бы невыносимой.

1 – й п а т р и ц и й. Совершенно верно. Возьмите хотя бы меня. В прошлом году умерла моя жена. Сначала, конечно, я сильно горевал, а потом, как видите, успокоился. Временами тоскую и сейчас, но, в общем, ничего.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Природа прекрасно всё устроила!

Г е л и к о н. Глядя на вас, этого не скажешь.

Входит Кассий.

1 – й п а т р и ц и й. Ну что?

К а с с и й. Как прежде – ничего.

Г е л и к о н. Спокойствие, господа, только спокойствие! Сохраним хотя бы видимость. Империя – это мы. Если мы потеряем лицо, империя лишится головы, а это совсем некстати. Начнём с того, что побеждаем. Империи это пойдёт на пользу.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Верно! Зачем забывать о себе?

К а с с и й. Не нравится мне это. Слишком хорошо всё шло до сих пор: наш император был само совершенство.

2 – й п а т р и ц и й. Добропорядочный, неопытный.

1 – й п а т р и ц и й. К чему, в таком случае, ваши причитания? Что мешает ему снова стать прежним? Да, он любил Друзиллу. Но ведь она его сестра! Спать с ней – ещё куда ни шло, но переворачивать из-за её смерти вверх дном Рим – это уже слишком.

К а с с и й. Он несдержан, это мне не нравится. Как и его нынешний побег.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Нет дыма без огня.

1 – й п а т р и ц и й. Как бы там ни было, кровосмешение, да ещё в духе греческих трагедий, государству совсем не на пользу. Тайного инцеста ему, видите ли, мало.

Г е л и к о н. Кровосмешение – дело поневоле шумное. Ложе, так сказать, слишком скрипит. Да и кто вам сказал, что причина всего – в Друзилле?

2 – й п а т р и ц и й. А в чём же?

Г е л и к о н. Догадайтесь. И не забывайте, что беда подобна женитьбе: думаешь, что выбираешь сам, а оказалось – выбрали тебя. Что поделаешь? Калигула несчастен, но вряд ли он сам знает, почему. Наверное, почувствовал вдруг, что его загнали в угол, вот и бежал. Всякий бы так поступил. Если бы я, например, был волен выбирать отца, то до сих пор не родился.

Входит Сципион.

Сцена 2

К а с с и й. Ну что?

С ц и п и о н. Всё то же. Говорят, вчера ночью его видели крестьяне: он бродил под дождём возле дворца.

Кассий возвращается к патрициям. Сципион следует за ним.

К а с с и й. Сципион, когда это случилось?

С ц и п и о н. Три дня тому назад. Я, как обычно, был рядом с ним. Он подошёл к телу Друзиллы, коснулся его ладонью и задумался. Потом повернулся и неторопливо вышел. С тех пор его не могут найти.

К а с с и й (*качает головой*). Юноша чересчур увлекался литературой.

2 – й п а т р и ц и й. Что вполне естественно для его возраста.

К а с с и й. Но не для положения! Что может быть ужаснее императора-поэта? Впрочем, у нас такие уже были. Однако те хотя бы сохраняли склонность к государственной деятельности.

1 – й п а т р и ц и й. И было спокойней.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Каждый сверчок – знай свой шесток.

С ц и п и о н. Кассий, что можно сделать?

К а с с и й. Ничего.

2 – й п а т р и ц и й. Подождём. Если он не вернётся, придётся подыскать замену. Императоров среди нас – более, чем достаточно.

1 – й п а т р и ц и й. Согласен. Только характеров не хватает.

К а с с и й. А если он вернётся в плохом настроении?

1 – й п а т р и ц и й. Он ещё ребёнок! Заставим его прислушаться к доводам разума.

К а с с и й. А если он останется глух?

1 – й п а т р и ц и й (*смеётся*). Ну что ж! Не я ли в своё время написал книгу о государственных переворотах?

К а с с и й. Думаешь, она понадобится?

С ц и п и о н. Прошу прощения.

Уходит.

К а с с и й. Мы его смутили.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Тоже ребёнок. Все дети – заодно.

Г е л и к о н. Заодно или нет, состарятся и они.

Появляется стражник.

С т р а ж н и к. В дворцовом саду видели императора!

Все уходят.

Сцена 3

Некоторое время сцена пуста. Слева, крадучись, входит Калигула. У него растерянный вид, он весь промок и в грязи. Калигула подносит ладони ко рту, дышит на них; затем направляется к зеркалу, заметив своё отражение, останавливается. Что-то неразборчиво бормочет и, опустив голову, садится. Слева входит Геликон. Заметив Калигулу, он останавливается в глубине сцены и молча наблюдает за ним. Калигула оборачивается. Пауза.

Г е л и к о н (*через всю сцену*). Приветствую тебя, Кай.

К а л и г у л а (*просто*). Здравствуй, Геликон.

Молчание.

Г е л и к о н. Устал?

К а л и г у л а. Да. Много ходил.

Г е л и к о н. Тебя долго не было.

Молчание.

К а л и г у л а. Её нелегко было разыскать.

Г е л и к о н. Кого?

К а л и г у л а. Ту, которую я давно хочу.

Г е л и к о н. Кого же?

К а л и г у л а (*по-прежнему просто*). Луну.

Г е л и к о н. Что?

К а л и г у л а. Я хочу луну.

Г е л и к о н. А... (*Молчание. Геликон подходит ближе.*) Зачем она тебе?

К а л и г у л а. Ну, как тебе сказать... Её у меня нет.

Г е л и к о н. Понятно... Ну и как, добился своего?

К а л и г у л а. Нет. Не смог.

Г е л и к о н. Обидно.

К а л и г у л а. Вот и устал. (*Пауза.*) Геликон!

Г е л и к о н. Да, Кай.

К а л и г у л а. Ты думаешь, я сошёл с ума?

Г е л и к о н. Я вообще ничего не думаю, тебе это известно. У меня хватает ума не думать.

К а л и г у л а. Да. Но я – не сумасшедший. Напротив, никогда ещё я не был таким расчётливым. Просто мне захотелось невозможного. (*Пауза.*) Существующее меня не удовлетворяет.

Г е л и к о н. Довольно распространённая точка зрения.

К а л и г у л а. Возможно. Только прежде я о ней не знал. А теперь знаю. (*Всё так же просто.*) Мир, какой он есть, невыносим. Мне нужна луна, мне нужно счастье, бессмертие, что угодно, но то, чего нет в нашем мире.

Г е л и к о н. Мысль довольно естественная, а вот как воплотить её в жизнь?

К а л и г у л а (*поднимаясь, с прежней простотой*). В том-то и дело! Никто никогда не воплощал её в жизнь, и потому ничто до сих пор не было достигнуто. А ведь, возможно, для этого достаточно оставаться логичным до самого конца. (*Смотрит на Геликона.*) Ты наверняка думаешь: сколько сложностей из-за смерти одной женщины! Поверь, не в ней дело! Память убеждает меня, что несколько дней назад умерла женщина, которую я любил. Но что такое любовь? Ничто! Уверяю тебя, её смерть – ничего для меня не значит; она лишь свидетельство истины, сделавшей для меня луну необходимой. Эта истина проста и очевидна, даже чуть глуповата, но открыть её трудно, а вынести – ещё трудней.

Г е л и к о н. Какая истина, Кай?

К а л и г у л а (*отвернувшись, равнодушно*). Люди смертны и потому несчастны.

Г е л и к о н (*после молчания*). Кай, но с этой истиной все прекрасно уживаются. Взгляни вокруг. Разве твоя истина лишает людей аппетита?

К а л и г у л а (*внезапный взрыв*). В таком случае, вокруг меня – ложь, а мне нужна истина! Но у меня есть средство заставить их жить истинной жизнью. Я знаю, Геликон, чего им не хватает. Они лишены подлинного знания, у них нет учителя, понимающего то, чему он учит.

Г е л и к о н. Не обижайся, Кай, но сейчас тебе надо выпасться.

К а л и г у л а (*садится, мягко*). Не могу, Геликон, и не смогу никогда.

Г е л и к о н. Почему?

К а л и г у л а. Если я усну, кто даст мне луну?

Г е л и к о н (*помолчав*). Верно.

К а л и г у л а (*с трудом поднимаясь*). Геликон, сюда кто-то идёт, я слышу шаги и голоса. Прошу тебя, забудь, что видел меня сейчас.

Г е л и к о н. Хорошо.

К а л и г у л а (*направляется к двери, по дороге оборачивается*). И ещё об одном прошу: помоги мне.

Г е л и к о н. Кай, у меня нет причин тебе отказать. Но я слишком много знаю и слишком немногим интересуюсь. В чём я могу помочь?

К а л и г у л а. В невозможном.

Г е л и к о н. Сделаю всё, что смогу.

Калигула уходит. Быстро входят Сципион и Цезония.

Сцена 5

С ц и п и о н. Геликон, ты его видел?

Г е л и к о н. Нет.

Ц е з о н и я. Геликон, перед своим бегством он ничего тебе не говорил?

Г е л и к о н. Я – зритель, а не поверенный. Это благоразумнее.

Ц е з о н и я. Умоляю тебя...

Г е л и к о н. Милая Цезония, все знают, что Кай – идеалист. Иначе говоря, никто его не понял, кроме меня, да и я – лишь потому, что ничем не занимаюсь. Так вот, если Кай поймёт

себя, то он, с его добрым сердцем, сумеет пойти наперекор всем, и бог знает, что из этого получится. А сейчас, с вашего позволения, я пойду пообедать.

Уходит.

Сцена 6

Цезония (*устало садится*). Его видел стражник, но теперь Калигула мерещится всему Риму. А сам Калигула не видит ничего, кроме своей идеи.

Сципион. Какой идеи?

Цезония. Откуда мне знать?

Сципион. Друзилла?

Цезония. Вряд ли. Хотя он действительно её любил. Невыносимо видеть, что та, которую вчера обнимал, сегодня умирает.

Сципион (*неуверенно*). А ты?

Цезония. Что я? Всего-навсего стареющая любовница.

Сципион. Цезония, его надо спасти.

Цезония. Так ты его любишь?

Сципион. Люблю. Он был добр ко мне. Он многому меня научил. Я хорошо помню его слова, что жить нелегко, но что для облегчения жизни существует религия, искусство, любовь. Он часто повторял, что страдание – форма самообмана. Он мечтал о справедливости.

Цезония (*поднимается*). Совсем ребёнок! (*Подходит к зеркалу и смотрит в него*.) Моим единственным богом всегда было моё тело, и этого бога я умоляю вернуть мне Кая.

Входит Калигула. Заметив Цезонию и Сципиона, он в нерешительности отступает. В этот момент с противоположной стороны входят патриции и управляющий дворцом. Изумлённые, они останавливаются. Цезония оборачивается и вместе со Сципионом спешит к Калигуле. Он удерживает их движением руки.

Сцена 7

Управляющий и й. Мы... мы искали тебя, Цезарь.

Калигула (*отрывистым, изменившимся голосом*). Вижу.

Управляющий и й. Мы... то есть...

Калигула. Что вам надо?

Управляющий и й. Цезарь, мы беспокоились.

Калигула (*направляется к нему*). По какому праву?

Управляющий и й. Э-э... гм... (*Внезапно осенённый, быстро*.) Дело в том, что тебе необходимо срочно рассмотреть ряд вопросов, касающихся государственной казны.

Калигула (*в приступе безудержного смеха*). Что? Ну, конечно, конечно, всё правильно. Что может быть важнее казны?

Управляющий и й. Да, Цезарь.

Калигула (*по-прежнему смеётся, Цезонии*). Дорогая, как, по-твоему, государственная казна – самое важное в жизни?

Цезония. Не думаю.

Калигула. Только потому, что ничего в этом не смыслишь. Казна – дело первостепенной важности. Всё важно: финансы, общественная мораль, внешняя политика, военные

поставки, аграрные законы! Уверю тебя, всё – главное, всё – на одном уровне: величие Рима и приступ твоей подагры. Ну что ж, займусь финансами. Управляющий, ты меня слушаешь?

У п р а в л я ю щ и й. Мы все слушаем.

Патриции приближаются.

К а л и г у л а. Могу я тебе доверять?

У п р а в л я ю щ и й (с упрёком). Цезарь!

К а л и г у л а. Так вот, я хочу ознакомить тебя с одним проектом. Благодаря ему мы в два счёта приведём экономику в порядок. Сейчас я всё тебе растолкую... только пусть сенаторы нас оставят.

Патриции уходят.

Сцена 8

Калигула усаживается возле Цезонии.

К а л и г у л а. Слушай внимательно. Во-первых, все патриции и все граждане империи, обладающие любым состоянием, должны в обязательном порядке лишиться своих детей наследства и завещать его в пользу государства...

У п р а в л я ю щ и й. Но, Цезарь...

К а л и г у л а. Я ещё не кончил. По мере возникновения денежных затруднений мы будем казнить наших граждан в произвольно установленном порядке и наследовать их состояние. В случае необходимости порядок можно будет изменить.

Ц е з о н и я (освобождаясь). Что с тобой?

К а л и г у л а (невозмутимо). Порядок казней, фактически, не имеет особого значения. Или, точнее, все казни имеют одинаковое значение, откуда следует, что они его совершенно не имеют. К тому же вина каждого человека ничуть не меньше вины любого другого. Замечу, кстати, что грабить граждан таким образом ничуть не безнравственнее, чем, скажем, вводить налоги на предметы первой необходимости. Все знают, что управлять – значит воровать, но с соблюдением определённых приличий. А я буду воровать в открытую! (Сурово.) Немедленно приступай к исполнению моих указаний. Чтобы сегодня же завещания подписали все жители Рима, а в течение месяца – обитатели провинций. Разошли гонцов.

У п р а в л я ю щ и й. Цезарь, ты не отдаёшь себе отчёта...

К а л и г у л а. Выслушай меня, идиот. В том случае, когда казна становится самым главным, человеческая жизнь теряет всякую ценность. Это очевидно. Все рассуждающие вроде тебя должны согласиться с этим суждением, и, поскольку деньги являются для них всем, ни во что не ставить свои жизни. Я решил быть логичным, а моя власть научит логике вас. Я постараюсь уничтожить как противоречия, так и противоречащих. И начну, пожалуй, с тебя.

У п р а в л я ю щ и й. Цезарь, уверю тебя, моя добропорядочность не подлежит сомнению...

К а л и г у л а. Моя тоже. Это видно хотя бы из того, что я согласился встать на твою точку зрения и сделал предметом своих размышлений государственную казну. Одним словом, ты должен быть мне благодарен за то, что я присоединился к твоей игре и играл твоими картами. (Пауза. Спокойно.) Что касается моего проекта, то он гениально прост и, следовательно, в обсуждениях не нуждается. А теперь пошёл прочь! Считаю до трёх: раз...

Управляющий исчезает.

Сцена 9

Цезония. Не узнаю тебя! Надеюсь, это шутка?

Калигула. Не совсем. Скорее – педагогический приём.

Сципион. Кай, но это невозможно!

Калигула. Вот именно.

Сципион. Не понимаю тебя.

Калигула. Вот именно! Речь идёт как раз о невозможном или, точнее, о том, как сделать невозможное возможным.

Сципион. Но такая игра не знает пределов. Развлечение безумца!

Калигула. Нет, Сципион, мужество императора. (*Устало отворачивается.*) Наконец-то я понял смысл власти. Она делает невозможное возможным. Отныне и навсегда моя свобода безгранична.

Цезония (*грустно*). Не знаю, Кай, стоит ли этому радоваться.

Калигула. И я не знаю. Но жить этим, думаю, можно.

Входит Кассий.

Сцена 10

Кассий. Мне сообщили о твоём возвращении. Я молился за твоё здоровье.

Калигула. Моё здоровье благодарит тебя за это. (*Пауза. Внезапно.*) Уйди, Кассий, я не желаю тебя видеть!

Кассий. Кай, ты меня удивляешь.

Калигула. Не удивляйся. Я не люблю литераторов и не выношу их лживых выдумок. Они говорят лишь для того, чтобы не слышать себя. А если бы услышали, то узнали бы, что они – ничто, и сразу бы замолчали. Ну иди, иди, я боюсь лжесвидетелей.

Кассий. Если мы и лжём, то часто не подозреваем об этом и не виновны в своей лжи.

Калигула. Ложь не может быть невинной. Вы придаёте чрезмерное значение людям и вещам, и этого я не могу вам простить.

Кассий. Но если мы хотим жить в этом мире, его необходимо оправдать.

Калигула. Не оправдаешь, приговор уже вынесен! Этот мир не имеет никакого значения, и всякий, кто понял это, обрёл свободу. (*Встаёт.*) Я ненавижу вас за то, что вы – несвободны. Во всей империи свободен один только я. Можете радоваться, наконец-то у вас появился император, который преподаст вам урок свободы. Иди, Кассий! И ты, Сципион, тоже. Меня смешит твоя привязанность ко мне. Идите и сообщите Риму, что он получил наконец свободу и что его ожидает великое испытание свободой.

Кассий и Сципион уходят. Калигула отворачивается.

Сцена 11

Цезония. Ты плачешь?

Калигула. Да.

Цезония. Ну скажи, почему ты так изменился? Да, ты любил Друзиллу, но ты любил и меня, и многих других. Неужели её смерть – причина твоего бегства из Рима?

Калигула (*поворачивается*). Глупая, при чём здесь Друзилла? Разве трудно понять, что мужчины могут страдать не из-за любви, а по другой причине?

Цезония. Кай, прости. Я пытаюсь понять.

Калигула. Мужчины страдают из-за того, что мир – совсем не такой, каким он должен быть. *(Цезония подходит к нему.)* Не надо, Цезония! *(Она отступает.)* Не уходи, побудь возле меня.

Цезония. Я сделаю всё, что ты желаешь. *(Садится.)* В мои годы знают, что жизнь ужасна. Но если мир полон зла, зачем его множить?

Калигула. Тебе этого не понять. Да и не всё ли равно? Я чувствую, что во мне поселились какие-то безымянные существа. Как мне с ними справиться? *(Поворачивается к ней.)* Цезония! Мне было известно, что существует отчаяние, но я никогда не представлял, что это такое. Как и все, я думал, что это – болезнь души. Оказывается, больше всего страдает тело. Стынет кожа, теснит грудь, болят руки и ноги, ломит голову, тошнит... А самое ужасное: горечь во рту – запах крови, смерти, лихорадки, всего вместе... Стоит шевельнуть языком, как в глазах темнеет, и мир становится омерзительным. Как тяжело, как горько быть человеком!

Цезония. Усни! Усни, оставь всё, как есть, не ломай себе голову. Я буду стеречь твой сон. А проснувшись, ты вновь обретёшь вкус к жизни и воспользуешься своей властью, чтобы любить тех, кто этого ещё достоин...

Калигула. Но для этого нужен сон, бегство. Это невозможно.

Цезония. Так всегда считают, когда достигают пределов усталости. А со временем находят в себе силу...

Калигула. Но ведь надо знать, зачем она! Что толку с моей силой, на что мне величайшая власть, если я не могу изменить существующий порядок вещей, если я не способен заставить солнце заходить на востоке, прекратить страдания и дать людям бессмертие? Какая разница, Цезония, спать или бодрствовать, если я всё равно не в силах изменить мир?

Цезония. Но это значит равнять себя с богами. Есть ли безумие хуже?

Калигула. Ты тоже думаешь, что я – сумасшедший. При чём здесь боги? То, чего я хочу, выше богов. Я хочу царство, в котором царит невозможное.

Цезония. Нет, Калигула, тебе никогда не сделать небо – землёй, прекрасное – уродливым, а человеческое сердце – бесчувственным!

Калигула *(с нарастающим возбуждением)*. Я смешаю небо с землёй, прекрасное с уродливым, смех со страданием!

Цезония *(поднимается, умоляющим голосом)*. Всегда были, есть и будут добро и зло, величие и низость, справедливость и несправедливость! Этого не изменить!

Калигула *(та же игра)*. А я изменю! Рим получит от меня в подарок равенство. И когда всё уравнивается со всем, когда невозможное посетит землю, а луна окажется в моих руках, тогда я изменюсь сам и мир вместе со мной – и тогда, наконец, люди перестанут умирать и обретут счастье.

Цезония *(кричит)*. Ты не сможешь уничтожить любовь!

Калигула *(смеется, яростно)*. Любовь, Цезония, любовь! *(Хватает её за плечи и трясёт.)* Я понял: любовь – ничто. Зато другое имеет значение: государственная казна... Всё остальное – после неё. О! Наконец-то я начинаю жить! Жить, Цезония, жить... а жизнь и любовь – противоположности. Это говорю тебе я, Калигула, и приглашаю тебя на бесконечный праздник, на всеобщий судебный процесс, на огромный спектакль. Мне необходимы люди: жертвы, виновные, зрители. *(Он подбегает к гонгу и принимается бить в него двойными ударами.)* Введите виновных! Мне нужны виновные! *(По-прежнему бьёт в гонг.)* Введите осуждённых на смерть! И публику, мне нужна публика. Судьи, свидетели, подсудимые! Ах, Цезония, я покажу им то, чего они никогда не видели, я покажу им единственного свободного человека в Римской империи.

Под звуки гонга дворец постепенно наполняется шумом, который приближается. Голоса, лязг оружия, топот шагов. Калигула смеётся и

продолжает бить в гонг. Появляются и тут же исчезают стражники. Удары гонга.

К а л и г у л а. Цезония! Ты будешь мне повиноваться! И помогать. Поклянись, что будешь помогать!

Ц е з о н и я (*растерянно, в промежутках между ударами гонга*). Зачем мне клясться, если я люблю тебя?

К а л и г у л а (*та же игра*). Ты будешь делать всё, что я прикажу!

Ц е з о н и я (*та же игра*). Всё, Калигула, всё, только перестань стучать.

К а л и г у л а (*по-прежнему бьёт в гонг*). Будешь жестокой!

Ц е з о н и я (*плача*). Да.

К а л и г у л а (*та же игра*). Холодной и неумолимой!

Ц е з о н и я. Да.

К а л и г у л а (*та же игра*). Будешь страдать!

Ц е з о н и я. Да, Калигула, да, я схожу с ума.

Входят ошеломлённые патрициши, с ними стражники. Калигула ударяет в последний раз, поднимает колотушку и обращается к вошедшим.

К а л и г у л а. Подойдите сюда! Ближе. Я приказываю всем подойти! (*Топает ногой.*) Император велит вам подойти. (*Все подходят, полные ужаса.*) Быстрее! А теперь подойди ты, Цезония.

Он подводит её за руку к зеркалу и закрывает своё отражение колотушкой.

К а л и г у л а (*смеётся*). Видишь, ничего нет, ни лица, ни воспоминаний, совсем ничего. А знаешь, что осталось? Подойди ближе. Подойдите все. Смотрите!

Он становится перед зеркалом в позе умалишённого.

Ц е з о н и я (*глядя в зеркало, с ужасом*). Калигула!

Калигула указывает пальцем на зеркало и, устремив на него взгляд, произносит изменившимся торжественным голосом.

К а л и г у л а. Калигула.

З а н а в е с

Действие второе

Сцена 1

Патриции столпились вокруг Кассия.

1 – й п а т р и ц и й. Он оскорбляет наше достоинство.

М е р е я. Уже три года.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Смеётся над мной, называет милашкой.

М е р е я. Три года!

1 – й п а т р и ц и й. Отправляясь в загородную прогулку, заставляет нас бежать за носилками.

2 – й п а т р и ц и й. И при этом говорит, что бег укрепляет здоровье.

М е р е я. Целых три года!

С т а р ы й п а т р и ц и й. Это непростительно!

3 – й п а т р и ц и й. Этому нет оправданий!

1 – й п а т р и ц и й. Патрикий, у тебя он конфисковал имущество; у тебя, Сципион, убил отца; у Октавия отобрал жену и отдал её в публичный дом; у тебя, Лепид, казнил сына. Довольно терпеть! Лично я сделал свой выбор. Довольно колебаться между риском опасности и этой невыносимой жизнью в бессилии и страхе.

С ц и п и о н. Убив моего отца, он сам сделал выбор за меня.

1 – й п а т р и ц и й. А вы? Решаетесь или нет?

3 – й п а т р и ц и й. Мы с тобой. Он отдал наши места в цирке плебеям.

Что может быть унижительнее?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Какой подлец!

2 – й п а т р и ц и й. Циник!

3 – й п а т р и ц и й. Комедиант!

С т а р ы й п а т р и ц и й. Импотент!

4 – й п а т р и ц и й. Целых три года!

Патриции потрясают оружием. Падают факел, опрокидывается стол.

Патриции устремляются к двери.

Неожиданно входит Кассий.

Сцена 2

К а с с и й. Куда это вы так спешите?

3 – й п а т р и ц и й. В императорский дворец.

К а с с и й. Понятно. А почему вы решили, что вас туда пустят?

1 – й п а т р и ц и й. Мы не собираемся спрашивать разрешения.

К а с с и й. Ого, какие храбрецы! С вашего разрешения, я присяду.

Дверь закрывается. Кассий подходит к опрокинутому столу и садится на край. Патриции возвращаются к нему.

К а с с и й. Не так всё просто, друзья, как вы думаете. Страх, испытываемый вами, не заменит мужества и хладнокровия. Зря вы спешите.

3 – й п а т р и ц и й. Если ты не с нами, лучше уходи, но придержи язык.

К а с с и й. Пожалуй, я – с вами, хотя у меня для этого свои причины.

3 – й п а т р и ц и й. Хватит болтать!

К а с с и й (*поднимается*). Согласен, хватит. И всё же я хочу внести некоторую ясность. Я – с вами, но не за вас. Ваши взгляды мне чужды. Вы не сумели распознать своего настоящего врага и приписываете действиям Калигулы ничтожные мотивы, тогда как они великие. Следовательно, вы торопите свою смерть. Попробуйте увидеть его таким, каков он есть, тогда вы сможете с ним бороться.

3 – й п а т р и ц и й. Мы видим этого безумца и тирана таким, каков он есть.

К а с с и й. Отнюдь. Нам ли не знать, что такое безумный тиран? А Калигула далеко не безумен. Он знает, чего хочет – и за это я ненавижу его больше всего.

1 – й п а т р и ц и й. Он хочет нашей смерти.

К а с с и й. Ошибаешься, для него она – дело десятое. Он поставил свою власть на службу более возвышенной и губительной страсти, он угрожает тому, что для нас является главным. Мы не впервые наделяем человека неограниченной властью, но впервые она направлена на неограниченное отрицание человека и мира. Вот что меня в нём страшит, вот с чем я хочу бороться. Лишиться жизни – пустяк, и если в этом будет необходимость, я отдам её, но видеть, как исчезает основа нашего существования, сам смысл жизни – вот что невыносимо! Жизнь должна иметь какой-то смысл.

1 – й п а т р и ц и й. Найдём его в мести.

К а с с и й. Я присоединяюсь к мстителям, но не для того, чтобы рассчитаться за ваши крохотные унижения, а для того, чтобы воспротивиться великой идее, победа которой равна силе концу света. Я могу допустить издевательства над вами, но не допущу, чтобы Калигула полностью реализовал свои замыслы. К несчастью, его философия, которая превращается в трупы, логически безупречна. Но если её невозможно опровергнуть, остаётся одно: уничтожить!

3 – й п а т р и ц и й. В таком случае, к делу!

К а с с и й. Действуя в лоб, Калигулу вряд ли уничтожить, поскольку сейчас за ним – сила. Для успешной борьбы с тиранией нам придётся соединить хитрость с бескорыстной ненавистью. Будем подталкивать его в нужную сторону и ожидать, когда его логика превратится в безумие. Но повторяю: я – временный попутчик. Я не собираюсь защищать ваши интересы, поскольку хочу лишь одного: вернуть миру покой. Не тщеславие заставляет меня действовать, а вполне естественный страх перед его нечеловеческим восторгом, для которого моя жизнь – ничто.

1 – й п а т р и ц и й (*приближаясь*). Кажется, я тебя понял. Или почти понял. Главное, однако, то, что ты, подобно нам, считаешь основы нашего общества подорванными. Надеюсь, все согласны с тем, что это вопрос первостепенной важности. Семья разваливается, уважение к работе исчезает, народ богохульствует. Добродетель призывает нас на помощь, неужели мы не откликнемся на её зов? Патриции, разве вы согласны ежедневно бегать за носилками Калигулы?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Слышать, как вас называют милашкой!

3 – й п а т р и ц и й. Отдавать ему своих жён!

2 – й п а т р и ц и й. Детей!

М е р е я. Деньги!

3 – й п а т р и ц и й. Нет!!

1 – й п а т р и ц и й. Кассий, ты превосходно всё объяснил. И правильно сделал, что успокоил нас. Действовать ещё рано: народ пока против нас. Будем дожидаться подходящего момента.

К а с с и й. Отлично! Пусть Калигула продолжает. Мы подтолкнём его к этому, организуем и направим его безумие. И тогда придёт день, когда он останется один на один с империей мертвецов и их живых родственников.

Общий шум. Снаружи доносятся звуки труб. Молчание. Затем от патриция к патрицию проносится имя: Калигула.

Сцена 3

Входит Калигула в сопровождении Цезонии, Геликона и стражников. Немая сцена. Калигула останавливается и пристально глядит на заговорщиков. Затем молча переходит от патриция к патрицию: одному поправляет застёжку, перед другим в задумчивости останавливается; снова смотрит на всех, закрывает рукой глаза и молча уходит.

Сцена 4

Цезония (*насмешливо указывая на беспорядок*). Вы что, дрались?

Кассий. Дрались.

Цезония (*та же игра*). А из-за чего?

Кассий. Просто так.

Цезония. Неправда.

Кассий. Что неправда?

Цезония. Вы вовсе не дрались.

Кассий. Да, мы не дрались.

Цезония (*улыбаясь*). Не мешает здесь немного убрать. Калигула ужасно не любит беспорядка.

Геликон (*старому патрицию*). Дело кончится тем, что он потеряет терпение и выйдет из себя.

Старый патриций. Помилуй, что мы такого сделали?

Геликон. Пока ничего. Но кончится всё чем-нибудь невыносимым. Представьте себя на месте Калигулы. (*Пауза.*) Вы, конечно, устраивали заговор?

Старый патриций. Неправда! Почему он так думает?

Геликон. Не думает, а знает. И по-моему, в глубине души даже хочет этого. Ну ладно, давайте наведём порядок.

Они принимаются за уборку. Входит Калигула и молча наблюдает за происходящим.

Сцена 5

Калигула (*старому патрицию*). Привет, милашка! (*Остальным.*) Кассий, сегодня я обедаю у тебя. Муций, я позволил себе пригласить твою жену.

Управляющий хлопает в ладони. Входит раб, но Калигула останавливает его.

Калигула. Одну минуту! Господа, как вам известно, только сила инерции удерживала до сих пор государственную казну от краха. С сегодняшнего дня одной инерции оказывается недостаточно. Я столкнулся с прискорбной необходимостью произвести сокращение дворцо-

вого персонала. В порыве самопожертвования, который вы, надеюсь, оцените, я решил уменьшить число дворцовых слуг и отпустить на волю нескольких рабов, а на их место поставить вас. Вам придётся накрыть сейчас на стол и прислуживать во время обеда.

Патриции растерянно смотрят друг на друга.

Г е л и к о н. Господа, не вижу на ваших лицах радости. А ведь вам предоставляется редкая возможность на деле убедиться, что спускаться по социальной лестнице куда легче, чем подниматься.

Патриции нерешительно переходят с места на место.

К а л и г у л а (*Цезонии*). Как наказывают ленивых рабов?

Ц е з о н и я. Кажется, кнутом.

Патриции торопливо и неумело принимаются накрывать на стол.

К а л и г у л а. Порасторопнее! И организованнее, не забывайте про организацию. (*Геликону.*) Ну и работники – как без рук!

Г е л и к о н. Их руки годятся только для аплодисментов в цирке. Придётся запастись терпением. Сенатором можно стать и за один день, а вот чтобы стать хорошим слугой, нужно лет десять.

К а л и г у л а. Боюсь, что из сенатора не сделать слугу и за двадцать.

Г е л и к о н. Кое-что, однако, у них получается. Наверное, призвание. Рабство им – к лицу. (*Один из патрициев вытирает пот.*) Взгляни, они уже потеют, а это – целый этап.

К а л и г у л а. Ну ладно, довольно! Для первого раза неплохо. К тому же мне приятно быть справедливым. Кстати, о справедливости: поспешим, меня ожидает ещё одна казнь. Ах! Руфию повезло, что я быстро проголодался. (*Доверительно.*) Руфий – это всадник, которого сегодня казнят. (*Пауза.*) Почему никто не спрашивает о причине казни?

Общее молчание. Рабы подают на стол кушанья.

К а л и г у л а (*добродушно*). Ну-ну, вы умнеете не по дням, а по часам. (*Жуёт маслину.*) Поняли, наконец-то, что для того, чтобы умереть, вовсе не обязательно совершать какие-то особые поступки. Настоящие воины! Я доволен вами. А ты, Геликон?

Он перестает жевать и насмешливо осматривает патрициев.

Г е л и к о н. Вполне. Гвардейцы, да и только. Но если говорить честно, они слишком умны и потому вряд ли захотят сражаться. Если так пойдёт дальше, империя развалится.

К а л и г у л а. Вот и прекрасно! Наконец-то отдохну. (*Патрициям.*) Ладно, рассаживайтесь кто где хочет. Обойдёмся без церемоний. (*Пауза.*) Руфию здорово повезло, хотя не уверен, что он по достоинству оценит отсрочку казни. А ведь минуте, выигранной у смерти, цены нет!

Он ест, остальные тоже. Калигула ведёт себя за столом ужасно.

Он кидает косточки маслин в тарелку соседа, отрывает остатки мяса на блюдо, ковыряет пальцем в зубах и неистово чешется. Впрочем, всё это он делает совершенно непричуждённо. Внезапно он перестает есть и устремляет взгляд на одного из патрициев.

К а л и г у л а (*грубо*). Лепид, у тебя плохое настроение. Не потому ли, что я казнил твоего сына?

Л е п и д (*подавленно*). Нет, Кай, совсем наоборот.

К а л и г у л а (*ухмыляясь*). Наоборот! Ах, как я люблю, когда выражение лица противоречит настроению! Твоё лицо печально. А сердце? Наоборот?

Л е п и д (*решительно*). Наоборот, Цезарь.

К а л и г у л а (*всё радостнее*). Ах, Лепид, нет для меня человека дороже, чем ты. Давай вместе посмеёмся. Не расскажешь ли какой-нибудь смешной анекдот?

Л е п и д (*он явно переоценил свои силы*). Кай!

К а л и г у л а. Ладно, ладно, я сам расскажу. А ты посмеёшься. Хорошо? (*Подмигивает.*) Не бойся, не о твоём младшем сыне. (*Новый взрыв смеха.*) Впрочем, у меня и так хорошее настроение. (*Он пьёт и подсказывает.*) На... на-о... на-о-бо.. Ну же, Лепид!

Л е п и д (*устало*). Наоборот, Кай.

К а л и г у л а. Правильно! (*Пьёт.*) Теперь слушай. (*Задумчиво.*) Жил-был один бедный император, которого никто не любил. А он сам любил Лепида и, чтобы избавиться от своей любви, велел казнить его сына. (*Меняет тон.*) Конечно, это всё неправда. (*Пауза.*) Смешно? Почему ты не смеёшься? Почему никто не смеётся? (*С гневом.*) Хочу, чтобы все смеялись! Ты, Лепид, и все остальные. Встаньте и смейтесь! (*Бьёт кулаком по столу.*) Слышите, я хочу, чтобы вы смеялись!

Патрициш поднимаются. В течение этой сцены все, кроме Калигулы и Цезонии, напоминают марионеток.

К а л и г у л а (*откидывается на своём ложе и заразительно смеётся*). Цезония, ты только взгляни на них! Ну можно ли дальше? Честь, достоинство, как там ещё, мудрость нации – всё исчезло от страха. Да, Цезония, страх – прекраснейшее чувство, редкое, чистое, бескорыстное, благородное. (*Закрывает лицо рукой и пьёт. Дружелюбно.*) Поговорим о чём-нибудь другом. Кассий, почему ты сегодня такой молчаливый?

К а с с и й. Кай, я готов говорить всё, что прикажешь.

К а л и г у л а. В таком случае, помолчи. Мне хочется выслушать нашего друга Муция.

М у ц и й (*неохотно*). Как тебе угодно, Кай.

К а л и г у л а. Ну что ж... Расскажи нам о своей жене. Но прежде пусть она сядет рядом со мной. (*Жена Муция подходит к Калигуле и садится.*) Слушаем тебя, Муций.

М у ц и й (*растерянно*). Я... я люблю свою жену.

Все смеются.

К а л и г у л а. Конечно, мой друг, конечно. Но это слишком банально. (*Он рассеянно целует жену Муция в левое плечо. Всё более и более непринуждённо.*) Когда я вошёл, вы, кажется, устраивали заговор?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Кай, неужели ты думаешь...

К а л и г у л а. Ах, милашка, хорошо, что и старость проходит. (*Патрициям.*) Но ведь вы совершенно не способны на мужественные поступки. Кстати, я вспомнил, что мне необходимо уладить одно государственное дело. Но прежде – уступим тем настоятельным желаниям, которые диктует нам природа.

Он поднимается и уводит жену Муция в соседнюю комнату.

Сцена 6

Муций пытается встать.

Ц е з о н и я (*любезно*). Муций, налей мне, пожалуйста, этого прелестного вина!

Муций молча и покорно наливает вино. Минута замешательства. Дальнейший диалог несколько наигран.

Ц е з о н и я. Кассий, не расскажешь ли теперь, из-за чего вы подрались?

К а с с и й (*холодно*). Всё началось, уважаемая Цезония, с нашего спора: может ли поэзия быть жестокой?

Ц е з о н и я. Как интересно! Впрочем, моим женским умом этого не понять. Но я в восторге от того, что любовь к искусству способна довести вас до драки.

К а с с и й (*та же игра*). Разумеется. Сам Калигула говорил мне как-то, что всякой глубокой страсти сопутствует жестокость.

Г е л и к о н. А любви – насилие.

Ц е з о н и я (*жует*). В этом суждении что-то есть. Как вы считаете?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Калигула – первоклассный психолог.

1 – й п а т р и ц и й. Сказано воистину с красноречием мужества.

2 – й п а т р и ц и й. Зря он не записывает свои мысли – им цены нет!

К а с с и й. К тому же, это его развлечёт.

Ц е з о н и я (*по-прежнему жует*). Если желаете знать, в настоящее время он пишет об этом трактат.

Сцена 7

Входят Калигула и жена Муция.

К а л и г у л а. Муций, возвращаю тебе жену. Прошу прощения, я должен дать несколько указаний.

Быстро уходит. Муций, побледнев, встаёт с места.

Сцена 8

Ц е з о н и я (*стоящему Муцию*). Муций, я не сомневаюсь, что этот трактат не уступит самым известным сочинениям.

Муций (по-прежнему смотрит на дверь, в которую вышел Калигула).

А о чём он?

Ц е з о н и я (*рассеянно*). О, это не для моего ума!

К а с с и й. Можно предположить, что речь в нём идёт о губительной силе поэзии.

Ц е з о н и я. Кажется, так и есть.

С т а р ы й п а т р и ц и й (*игриво*). Ну что ж, как сказал Кассий, это его развлечёт.

Ц е з о н и я. Ты прав, милашка. Но вас наверняка обеспокоит название трактата.

К а с с и й. Как же он называется?

Ц е з о н и я. «Меч».

Сцена 9

Быстро входит Калигула.

К а л и г у л а. Прошу прощения, господа, спешные государственные дела. Управляющий, я только что подписал декрет о закрытии городских хлебных складов. Ты найдёшь его в соседней комнате.

У п р а в л я ю щ и й. Но...

К а л и г у л а. С завтрашнего дня в Риме наступит голод. Всем известно, что голод – стихийное бедствие. Завтра начнётся стихийное бедствие... и я прекращу его, когда найду нужным. (*Обращается к остальным.*) Не правда ли, отменный способ доказать свою свободу.

Чтобы стать свободным, надо от чего-то зависеть. Прискорбный факт, но это так. (*Подмигивает Муцию.*) примени мою мысль к своей ревности и убедишься, что она верна. (*Задумчиво.*) Как некрасиво быть ревнивым! Стоит ли страдать из-за собственного тщеславия и силы воображения? Взгляни на свою жену...

Муций сжимает кулаки и открывает рот.

К а л и г у л а (*быстро*). Ешьте, господа, ешьте! Вам, наверное, известно, что мы с Геликоном в поте лица трудимся над небольшим трактатом о казни, в котором кое-что может показаться вам новым...

Г е л и к о н. Если, конечно, о вашем мнении захотят узнать.

К а л и г у л а. Геликон, будем великодушны, откроем наши секреты! Слушайте! Глава третья, параграф первый...

Г е л и к о н (*поднимается и монотонно читает наизусть*). «Назначение и применение казни всегда оправданы. Если человек казнён, значит он виновен. Всякий виновный – подданный Калигулы. Но подданными Калигулы являются все. Следовательно, все виновны, откуда вытекает, что все будут казнены. Стоит лишь запастись временем и терпением».

К а л и г у л а (*смеётся*). Что скажете? Запастись терпением – разве не находка? Должен признаться, что больше всего в вас меня восхищает терпение. Можете быть свободны, господа! Вы Кассию больше не нужны. А ты, Цезония, останься. Лепид и Октавий тоже. И ты, Мерейя. Я хочу обсудить с вами вопросы, связанные с организацией моего публичного дома. Они меня крайне волнуют.

Патриции медленно уходят. Калигула провожает Муция взглядом.

Сцена 10

К а с с и й. Мы слушаем тебя, Кай. Что там не ладится? Неопытный персонал?

К а л и г у л а. Нет, но доходы мизерные.

М е р е я. Нужно повесить входную плату.

К а л и г у л а. Мерейя, ты упустил чудесную возможность промолчать. В твои годы всё, что относится к людским страстям, не должно тебя волновать.

М е р е я. В таком случае зачем ты меня оставил?

К а л и г у л а. Мне понадобится мнение беспристрастного человека.

Мерейя отходит в сторону.

К а с с и й. Кай, говоря пристрастно, я не стал бы увеличивать входную плату.

К а л и г у л а. Естественно. И тем не менее доходы должны возрасти. У меня есть один план, которым я поделился с Цезонией и которая, в свою очередь, ознакомит с ним вас. Я выпил лишнего, меня клонит ко сну.

Он потягивается и закрывает глаза.

Ц е з о н и я. Всё крайне просто. Калигула учреждает новую награду.

К а с с и й. Не вижу никакой связи.

Ц е з о н и я. Сейчас увидишь. Медалью «За гражданскую доблесть» награждаются те, кто чаще других посещает публичный дом Калигулы.

К а с с и й. Блестящая мысль.

Ц е з о н и я. По-моему, тоже. Да, чуть не забыла: медаль вручается ежемесячно на основании подсчёта входных билетов; не получившие медали в течение года подвергаются ссылке или смертной казни.

З – й п а т р и ц и й. Почему «или»?

Цезония. Потому что Калигула не видит здесь особой разницы. Он сам будет выбирать.
Кассий. Bravo! С сегодняшнего дня государственная казна начнёт быстро пополняться!

Геликон. И, обратите внимание, на самой высоконравственной основе. Лучше обложить налогом порок, чем брать выкуп за добродетель.

Калигула приоткрывает глаза и смотрит на старого Мерею, который достаёт небольшой пузырёк и отпивает из него.

Калигула. Мерея, что ты пьёшь?

Мерея. Лекарство от астмы, Кай.

Калигула (*расталкивая остальных, подходит к нему и нюхает пузырёк*). Нет, это противоядие!

Мерея. Что ты, Кай, что ты! Ты шутишь. Я задыхаюсь по ночам и давно принимаю это лекарство.

Калигула. Ты боишься, что тебя отравят?

Мерея. Я лечусь от астмы.

Калигула. Нет! Давай называть вещи своими именами: ты боишься, что я тебя отравлю. Ты подозреваешь меня и шпионишь за мной.

Мерея. Нет, нет, клянусь всеми богами!

Калигула. Ты не доверяешь мне.

Мерея. Нет, что ты!

Калигула. Отвечай! Ты принимаешь противоядие, следовательно считаешь, что я хочу отравить тебя. Правильно?

Мерея. Да... то есть, нет...

Калигула. Узнав, что я собираюсь отравить тебя, ты изо всех сил противодействуешь моему намерению. Так или нет?

Молчание.

В начале этого эпизода Цезония и Кассий отходят в глубину сцены. Испуганный Лепид прислушивается к диалогу.

Калигула. Имеется лишь две возможности, и каждая из них – преступление. Или я не собираюсь тебя убивать, и ты несправедливо подозреваешь своего императора; или я хочу тебя убить, а ты, мерзкая вошь, пытаешься воспротивиться моим намерениям. (*Пауза. Калигула с довольным видом смотрит на Мерею.*) Что скажешь о логике моих рассуждений?

Мерея. Они... они вполне логичны... Но, Кай, в данном случае они не подходят.

Калигула. Вот и третье твоё преступление: ты принимаешь меня за сумасшедшего! Слушай внимательно. Из всех трёх преступлений только одно, а именно второе, делает тебе честь, поскольку решение противодействовать превращает тебя в бунтовщика – и это прекрасно. (*Грустно.*) Мерея, я очень люблю тебя, и потому выношу приговор только за второе преступление. Ты умрёшь как настоящий мужчина, осуждённый за участие в бунте.

Пока Калигула говорит это, Мерея мало-помалу сползает на пол.

Калигула. Не надо благодарностей! Держи! (*Он протягивает ему флакон и любезно произносит.*) Выпей этот яд.

Мерея, содрогаясь от рыданий, отрицательно качает головой.

Калигула (*нетерпеливо*). Пей! Пей!

Мерея пытается бежать, но Калигула одним прыжком настигает его и опрокидывает на скамью. После непродолжительной борьбы Калигула засовывает ему в рот флакон и разбивает ударом кулака. По телу Мереи пробегает судорога. Он умирает.

*Калигула поднимается и машинально вытирает руки.
Протягивает Цезонии осколок пузырька Мереи.*

К а л и г у л а. Что это? Противоядие?

Ц е з о н и я (*спокойно*). Нет, Калигула, это лекарство от астмы.

К а л и г у л а (*молча смотрит на Мерею*). Всё равно. Чуть раньше, чуть позже...

Внезапно с озабоченным видом уходит, вытирая на ходу руки.

Сцена 11

Л е п и д (*садится*). Что делать?

Ц е з о н и я (*просто*). Прежде всего – вынести труп.

Кассий и Лепид уносят тело за кулисы.

Л е п и д (*Кассию*). Быстрее!

К а с с и й. Ну и тяжёлый!

Входит Сципион. Заметив Цезонию, пытается уйти.

Сцена 12

Ц е з о н и я. Иди сюда.

С ц и п и о н. Зачем?

Ц е з о н и я. Подойди. (*Берёт его за подбородок и смотрит в глаза. Пауза. Холодно.*)
Он убил твоего отца?

С ц и п и о н. Да.

Ц е з о н и я. И ты его ненавидишь?

С ц и п и о н. Да.

Ц е з о н и я. И хочешь убить?

С ц и п и о н. Да.

Ц е з о н и я (*отпускает его*). А почему говоришь об этом мне?

С ц и п и о н. Потому что ничего не боюсь. Убить его или погибнуть – два способа
положить всему конец. К тому же ты меня не выдашь.

Ц е з о н и я. Ты прав. Но я хочу кое-что тебе сказать. Даже не тебе, а тому лучшему,
что в тебе есть.

С ц и п и о н. Лучшее во мне – ненависть.

Ц е з о н и я. Так слушай. Это и сложно и очевидно, но если бы каждый прислушался к
моим словам, многое бы в мире изменилось.

С ц и п и о н. Слушаю тебя.

Ц е з о н и я. Подожди. Сперва вспомни искажённое болью лицо своего отца, которому
вырвали язык. Вспомни его вопли и окровавленный рот.

С ц и п и о н. Я этого никогда не забуду.

Ц е з о н и я. А теперь вспомни Калигулу.

С ц и п и о н (*с ненавистью*). Вспомнил.

Ц е з о н и я. Так вот: попробуй его понять.

Она уходит, оставляя Сципиона в растерянности. Входит Геликон.

Сцена 13

Г е л и к о н. Калигула возвращается. Есть хочешь, поэт?

С ц и п и о н. Геликон! Помоги мне.

Г е л и к о н. Это опасно, цыплёнок. К тому же я ничего не смыслю в поэзии. С ц и п и о н. Помоги. Ты многое знаешь.

Г е л и к о н. Я знаю только то, что дни проходят. И ещё знаю, что ты можешь убить Калигулу, и он будет счастлив этому.

Входит Калигула. Геликон уходит.

Сцена 14

К а л и г у л а. А, это ты! *(Остановливается и, по-видимому, раздумывает, как себя вести.)* Давно тебя не видел. *(Медленно подходит к Сципиону.)* Чем занимаешься? Всё пишешь? Не дашь ли прочесть твою

последнюю пьесу?

С ц и п и о н *(тоже неуверенно)*. Цезарь, я пишу стихи, а не пьесы.

К а л и г у л а. О чём?

С ц и п и о н. Трудно сказать. О природе.

К а л и г у л а *(непринуждённо)*. Прекрасная тема. И неисчерпаемая. А что даёт тебе природа?

С ц и п и о н *(овладев собой, иронически и зло)*. Утешает, что я – не император.

К а л и г у л а. Вот как? А в том, что я – император, она может меня утешить?

С ц и п и о н *(та же игра)*. Клянусь, природа врачевала раны и потяжелее.

К а л и г у л а *(неожиданно просто)*. Рана! Какое злое слово! Не потому ли, что я убил твоего отца? Рана! Какое точное слово! *(Меняет тон.)*

Только ненависть способна рождать умных людей.

С ц и п и о н *(напряжённо)*. Я всего лишь ответил на твой вопрос.

Калигула садится, смотрит на Сципиона, затем неожиданно хватается его за руки и с силой прижимает к себе. Пауза.

К а л и г у л а. Прочти что-нибудь.

С ц и п и о н. Нет, Цезарь, не могу.

К а л и г у л а. Почему?

С ц и п и о н. Я ничего не взял с собой.

К а л и г у л а. А наизусть не помнишь?

С ц и п и о н. Нет.

К а л и г у л а. В таком случае, перескажи.

Г е л и к о н *(по-прежнему напряжённо, нехотя)*. В стихотворении говорится...

К а л и г у л а. Ну?

С ц и п и о н. Нет, не помню...

К а л и г у л а. Вспомни.

С ц и п и о н. Там говорится о согласии земли...

К а л и г у л а *(прерывая его, сосредоточенным голосом)*. ...о согласии земли и стебля...

С ц и п и о н *(удивлённый, нерешительно)*. Да, примерно так.

К а л и г у л а. Продолжай.

С ц и п и о н. ...о гармонии римских холмов, о неожиданном умиротворении, которое приносит вечер...

К а л и г у л а. ...о щебете ласточек в зеленоватом небе.

С ц и п и о н (*более непринуждённо*). Да, и об этом.

К а л и г у л а. А дальше?

С ц и п и о н. О той неуловимой минуте, когда золотеющее небо внезапно открывает своё лицо, осыпанное сияющими звёздами...

К а л и г у л а. О запахе дыма, воды и деревьев, струящемся с земли в темноту.

С ц и п и о н (*совсем непринуждённо*). Треск цикад, лай собак, грохот последней повозки, голоса крестьян...

К а л и г у л а. ...дорога, утонувшая в тени кипарисов и олив.

С ц и п и о н. Да, именно так. Но откуда тебе известно?

К а л и г у л а (*прижимая Сципиона к себе*). Не знаю. Наверное, мы с тобой любим одно и то же.

С ц и п и о н (*дрожа, прячет лицо на груди Калигулы*). Ах, не всё ли равно, если ты увидал во мне лицо любви?

К а л и г у л а (*по-прежнему обнимая его*). Сципион, это добродетель возвышенных душ. О, если бы мне вернуть твою чистоту! Но я слишком хорошо знаю свою страсть к жизни – она не довольствуется природой. Тебе этого не понять, ты – из другого мира. Ты – чист в добре, как я – чист во зле. С ц и п и о н. Я понимаю...

К а л и г у л а. Нет. Есть во мне что-то такое... Глухое озеро, гнилые деревья... (*Неожиданно меняет тон*.) Твоё стихотворение великолепно. Но если хочешь знать моё мнение...

С ц и п и о н (*та же игра*). Да.

К а л и г у л а. В нём явно не хватает крови.

Сципион отшатывается и с ужасом смотрит на Калигулу. Потом, пятась назад, говорит глухим голосом.

С ц и п и о н. Чудовище! Мерзкое чудовище! Значит, ты притворялся? Играл? Ну и как, доволен собой?

К а л и г у л а (*с грустью*). Ты прав. Я играл.

С ц и п и о н (*та же игра*). Какое у тебя кровожадное сердце! Сколько зла и ненависти мучают тебя!

К а л и г у л а (*мягко*). Замолчи.

С ц и п и о н. Как мне тебя жаль и как я тебя ненавижу!

К а л и г у л а (*сердито*). Замолчи!

С ц и п и о н. Боже, в какое гнусное одиночество ты себя загнал!

К а л и г у л а (*разражается смехом, затем бросается к Сципиону, хватая его за шиворот и сильно трясёт*). Одиночество! Что ты знаешь об одиночестве? И о каком одиночестве? Поэтов и импотентов? А тебе известно, что одним никогда не бываешь? Что всегда и всюду тебя преследует тяжесть прошлого и будущего? Что с тобой остаются мёртвые – и это ещё самое лёгкое! Те, которых любил и которые любили тебя... твои раскаяния, желания, горечь и нежность, боги, гетеры... (*Он отпускает Сципиона и возвращается на место*.) Ах! Если бы вместо этого одиночества, отравленного присутствием других, я мог испытать подлинное одиночество... Молчание, трепет дерева... (*Садится. С неожиданной усталостью*.) Одиночество! Нет, Сципион, оно наполнено скрежетом зубов, оно отзывается глухими голосами ушедших. А рядом с женщиной, которую я сжимаю в объятьях, когда над нами опускается ночь, моё одиночество наполняется резким запахом наслаждения...

У Калигулы изнурённый вид. Продолжительное молчание. Сципион нерешительно подходит к Калигуле сзади и кладёт ему ладонь на плечо. Калигула, не оборачиваясь, накрывает её своей ладонью.

С ц и п и о н. У каждого в жизни своя слабость. Она помогает жить. К ней обращаются, когда чувствуют себя совсем обессиленными.

К а л и г у л а. Это так, Сципион.

С ц и п и о н. Разве у тебя нет ничего, подобного приступу слёз или убежищу молчания?

К а л и г у л а. Есть.

С ц и п и о н. Что же это?

К а л и г у л а. Презрение.

З а н а в е с

Действие третье

Сцена 1

Перед поднятием занавеса слышен звук цимбал и барабана. Занавес поднимается. На сцене готовится нечто вроде ярмарочного представления. В центре – занавес; перед ним, на небольшом помосте, Геликон и Цезония. С обеих сторон их окружают музыканты. На ложах, спиной к зрительному залу – несколько патрицеев и Сципион.

Г е л и к о н (*тоном зазывалы*). Заходите! Заходите! (*Цимбалы.*) Боги вновь спустились на землю. Божественный император Кай, по прозвищу Калигула, уступил им свой людской облик. Смертные, на ваших глазах свершится великое таинство! По величайшей милости богов в благословенное правление Калигулы всем и каждому будут открыты священные тайны!

Цимбалы.

Ц е з о н и я. Заходите, господа! Преклоните колени и внесите плату. Божественная мистерия доступна сегодня каждому владельцу кошелька!

Цимбалы.

Г е л и к о н. Олимп как он есть! Вся правда о богах! Заходите! Заходите!

Цимбалы.

Ц е з о н и я. Преклоните колени и внесите плату. Заходите, господа! Представление начинается!

Цимбалы. Рабы выносят на помост различные предметы.

Г е л и к о н. Потрясающее, беспрецедентное представление! Величественные декорации, сенсационная увлекательность, гром... (*Рабы катят бочку с камнями.*) молния... (*Рабы зажигают бенгальские огни.*) сама судьба в своём триумфальном шествии! Заходите, начинаем!

Он срывает занавес. На пьедестале стоит Калигула в образе гротескной Венеры.

К а л и г у л а (*любезно*). Сегодня я – Венера!

Ц е з о н и я. Поклонение начинается! Все падайте ниц... (*Все, кроме Сципиона, падают ниц.*) и повторяйте за мной священную молитву Калигуле-Венере! «О богиня, скорбящая и танцующая...»

П а т р и ц и и. О богиня, скорбящая и танцующая...

Ц е з о н и я. «Рождённая из морских волн, соли и пены, богиня липкая и грязная...»

П а т р и ц и и. ...богиня липкая и грязная...

Ц е з о н и я. «...подобная смеху и раскаянию, злобе и вдохновению...»

П а т р и ц и и. ...злобе и вдохновению...

Ц е з о н и я. «О богиня, научи нас безразличию, возрождающему любовь...»

П а т р и ц и и. ...научи нас безразличию, возрождающему любовь...

Ц е з о н и я. «Открой истину мира, которой он лишён...»

П а т р и ц и и. ...истину мира, которой он лишён...

Ц е з о н и я. «И дай сил вынести эту истину...» П а т р и ц и и. И дай сил вынести эту истину...

Цезония. Перерыв!

Патриция. Перерыв!

Цезония (*после паузы*). «О богиня, осыпь нас своими дарами, пролей на лица свою бесстрашную жестокость и праведную ненависть, протяни ладони, полные цветов и трупов...»

Патриция. ...протяни ладони, полные цветов и трупов...

Цезония. «Прими нас, заблудших детей своих, в лоно безразличной и печальной любви. Одари нас своими бесполезными страстями, бездумными горестями и бесцельными радостями...»

Патриция. ...своими бесполезными страстями, бездумными горестями и бесцельными радостями...

Цезония. «О богиня, горячая и опустошённая, земная и бесчеловечная, опьяни нас вином равенства и навеки прими в свою чёрную и нечистую душу!»

Патриция. ...и навеки прими в свою чёрную и нечистую душу!

После того, как патриции произносят последние слова, Калигула, до сих пор стоявший неподвижно, громко фыркает.

Калигула (*оглушительным голосом*). Дети мои, ваши мольбы услышаны!

Калигула садится на пьедестал. Патриции один за другим подходят к нему, падают ниц, бросают монету и уходят направо. Последний в замешательстве забывает бросить монету.

Калигула (*вскакивает*). Эй, малыш, вернись! Поклоняться богам хорошо, но ещё лучше – их обогащать. Вот так! Благодарю. Не имей боги иных богатств, кроме любви смертных, они были бы такими же бедными, как Калигула. А теперь, господа, идите и расскажите всем об удивительном таинстве, в котором вам посчастливилось участвовать. Вы собственными глазами видели Венеру, и она говорила с вами. Идите! (*Патриции направляются к двери.*) Налево, налево! За правой дверью стоит стража, готовая вас казнить.

Патриции поспешно и в некотором беспорядке уходят. Рабы и музыканты исчезают.

Сцена 2

Геликон грозит Сципиону пальцем.

Геликон. Анархист!

Сципион (*Калигуле*). Кай, ты богохульствуешь!

Геликон. Что ты хочешь этим сказать?

Сципион. Залив кровью землю, ты задумал теперь осквернить небо.

Геликон. Молодой человек любит громкие слова.

Он ложится на ложе.

Цезония (*спокойно*). Не слишком ли ты смел, малыш? В наши дни в Риме умирают за гораздо меньшее красноречие.

Сципион. Я решил сказать Каю всю правду.

Цезония. Калигула, этого человека нам давно не хватало!

Калигула (*с интересом*). Сципион, неужели ты веришь в богов?

Сципион. Нет.

Калигула. В таком случае, почему так обрушился на моё богохульство?

Сципион. Я не верю, но это ещё не значит, что веру необходимо чернить и лишать её других.

К а л и г у л а. Боже, какая скромность! Милый Сципион, ты невероятно меня обрадовал. Знаешь, я тебе завидую: скромность – единственная добродетель, которой я, кажется, лишён.

С ц и п и о н. Ты завидуешь не мне, а самим богам!

К а л и г у л а. Пусть это останется величайшей тайной моего правления. Единственное, в чём меня могут обвинить, – разве что в недостаточном продвижении по пути могущества и свободы. На человека, любящего господствовать, соперничество богов действует раздражающе. Я упразднил это соперничество и доказал вашим мнимым богам, что человек, стоит ему только пожелать, сам способен творить их смехотворное дело.

С ц и п и о н. Кай, это и есть богохульство.

К а л и г у л а. Нет, Сципион, пронизательность. Просто я понял, что существует лишь один способ сравняться с богами: стать такими же жестокими, как они.

С ц и п и о н. То есть тираном!

К а л и г у л а. Что значит «тиран»?

С ц и п и о н. Ослепшая душа.

К а л и г у л а. Неверно! Тиран – это человек, жертвующий людьми во имя своих идей или честолюбия. У меня нет ни идей, ни честолюбия. Если я пользуюсь иногда властью, то исключительно в качестве средства.

С ц и п и о н. Средства для чего?

К а л и г у л а. Для преодоления глупости и злости богов.

С ц и п и о н. Злость злостью не победишь, власть тебе не поможет. Я знаю лишь один способ преодоления вражды в мире.

К а л и г у л а. Какой?

С ц и п и о н. Нищета.

К а л и г у л а (*занимаясь педикюром*). Надо бы и мне попробовать.

С ц и п и о н. Пока ты собираешься, вокруг тебя гибнут десятки людей.

К а л и г у л а. Но, Сципион, разве это много? Ты знаешь, сколько войн я мог начать, но не сделал этого?

С ц и п и о н. Сколько?

К а л и г у л а. Целых три. А знаешь почему?

С ц и п и о н. Потому что тебе плевать на величие Рима.

К а л и г у л а. Потому что я ценю человеческую жизнь.

С ц и п и о н. Кай, ты смеёшься!

К а л и г у л а. Или, говоря точнее, ценю её больше, чем идеал завоевания. Но верно и то, что любую человеческую жизнь я ценю не больше своей собственной. И если с лёгкостью убиваю, то лишь потому, что сам не боюсь умереть. Как видишь, я вовсе не тиран.

С ц и п и о н. Не всё ли равно, если это обходится в ту же цену!

К а л и г у л а (*с нетерпением*). Посчитай и убедишься, что самая ничтожная война, выигранная тираном, в тысячу раз дороже прихотей моей фантазии.

С ц и п и о н. Но война хотя бы понятна!

К а л и г у л а. Зато судьбу понять невозможно, и потому я стал судьбой. Я принял безумный и непостижимый облик богов.

С ц и п и о н. Это и есть богохульство.

К а л и г у л а. Нет, Сципион, драматургия! Ошибка людей в том, что они не доверяют театру. В противном случае они давно бы уже поняли, что каждому дозволено разыгрывать божественную трагедию и становиться богом. Для этого достаточно ожесточить свою душу.

С ц и п и о н. Возможны, ты прав. Но если это так, в один прекрасный день вокруг тебя поднимутся легионы безжалостных людей-богов и потопят в крови твою божественность.

Ц е з о н и я. Сципион!

К а л и г у л а (*ровно и сурово*). Оставь, Цезония. Сципион, ты мог бы сказать лучше: я этот день творю. Мне трудно представить его точно, но иногда я о нём мечтаю. И тогда в лицах, надвигающихся на меня из глубины горестной ночи и искажённых страхом и ненавистью, я с восторгом узнаю того единственного бога, которому поклоняюсь: бога несчастного и беспомощного, словно человеческая душа. (*Раздражённо.*) А теперь уходи! Ты слишком разговаривался. (*Меняя тон.*) Мне нужно покрасить ногти. Я тороплюсь.

Все, кроме Геликона, уходят. Калигула занят педикюром. Геликон ходит вокруг него.

Сцена 3

К а л и г у л а. Геликон!

Г е л и к о н. Слушаю.

К а л и г у л а. Как моя просьба?

Г е л и к о н. Какая просьба?

К а л и г у л а. Ну... о луне.

Г е л и к о н. Пока безрезультатно. Придётся потерпеть. Кай, я хочу кое-что тебе сообщить.

К а л и г у л а. Терпения у меня – хоть отбавляй, а вот времени осталось немного. Поспеш, Геликон.

Г е л и к о н. Насколько это в моих силах. Кай, я хочу сообщить тебе одну важную вещь.

К а л и г у л а (*словно не слышит*). И не забывай, что она уже была моей.

Г е л и к о н. Кто?

К а л и г у л а. Луна.

Г е л и к о н. Да-да, конечно. Тебе известно, что против тебя готовится заговор?

К а л и г у л а. Она была моей. Всего два или три раза, но всё равно была.

Г е л и к о н. Я давно пытаюсь тебе сказать...

К а л и г у л а. Это случилось прошлым летом. Я глядел на неё, ласкал её на колоннах сада, и она поняла, чего я хочу.

Г е л и к о н. Кай, прекрати эту игру! Даже если ты не хочешь меня выслушать, долг заставляет меня говорить. А не будешь слушать – тем хуже.

К а л и г у л а (*продолжая заниматься педикюром*). Какой мерзкий лак! Но вернёмся к луне, к той прекрасной августовской ночи. (*Геликон с досадой отворачивается.*) Я уже лёг. Сначала она, багрово-красная, появилась над самым горизонтом. Потом стала подниматься, и чем выше поднималась, тем становилась светлее. Наконец она стала подобной молочному озеру, разлитому среди усыпанного звёздами неба. И вдруг она вошла... тёплая, нежная, лёгкая, нагая... Она миновала порог, пересекла комнату, скользнула на кровать и затопила меня своим сиянием и улыбкой. (*Меняя тон.*) Лак явно никуда не годится. Как видишь, Геликон, я без всякого хвастовства могу сказать, что она была моей.

Г е л и к о н. Ты хочешь меня выслушать и узнать, кто тебе угрожает?

К а л и г у л а (*прерывает своё занятие и пристально смотрит на Геликона*). Геликон, я хочу только одного: луну. Мне давно известно, что меня убьют. Но я ещё не израсходовал до конца того, что заставляет меня жить. И потому я хочу луну. Не возвращайся сюда до тех пор, пока её не найдёшь.

Г е л и к о н. В таком случае я исполню свой долг. Против тебя готовится заговор, который возглавляет Кассий. Мне удалось перехватить очень важное письмо, из него ты всё узнаешь. Вот оно.

Геликон кладёт на ложе восковую табличку и направляется к двери.

К а л и г у л а. Ты куда, Геликон?

Г е л и к о н *(с порога)*. Искать тебе луну!

Сцена 4

Стук в противоположную дверь. Калигула резко поворачивается и замечает старого патриция.

С т а р ы й п а т р и ц и й *(нерешительно)*. Можно войти?

К а л и г у л а *(нетерпеливо)*. Ну что ж, входи. *(Смотрит на него.)* Милашка вернулась, чтобы ещё раз взглянуть на Венеру?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Нет, совсем для другого. То есть... Кай, прости меня... я хотел сказать... Ты знаешь, как я тебя люблю... и ни о чём не прошу... только одно... дожить свои дни в покое...

К а л и г у л а. Короче!

С т а р ы й п а т р и ц и й. В общем... *(Быстро.)* Это очень важно.

К а л и г у л а. Нет.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Но почему?

К а л и г у л а. А что ты имеешь в виду?

С т а р ы й п а т р и ц и й *(оглядываясь по сторонам)*. Как бы это сказать... *(Он медлит и вдруг решается.)* Против тебя готовится заговор.

К а л и г у л а. Ну вот, как я и думал, ничего важного.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Кай, тебя хотят убить.

К а л и г у л а *(подходит к старому патрицию и берёт его за плечи)*. Знаешь, почему я тебе не верю?

С т а р ы й п а т р и ц и й *(делает клятвенный жест)*. Кай, клянусь всеми богами...

К а л и г у л а *(подталкивает старого патриция к двери, тихо)*. Не надо клясться, не надо. Выслушай лучше меня. Если ты говоришь правду, выходит, что ты предаешь своих друзей, так ведь?

С т а р ы й п а т р и ц и й *(несколько растерянно)*. Кай, моя любовь к тебе...

К а л и г у л а *(прежним тоном)*. А я не могу этого допустить. Я до такой степени ненавижу подлость, что не способен оставить предателя в живых. Но мне прекрасно известно, что такой человек, как ты, не захотел бы ни предавать, ни умирать.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Конечно, Кай, конечно!

К а л и г у л а. Таким образом, у меня есть причины не верить тебе. Ты ведь – не подлец?

С т а р ы й п а т р и ц и й. О, нет!

К а л и г у л а. И не предатель?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Кай, об этом не может быть и речи.

К а л и г у л а. Следовательно, никакого заговора нет. Признайся, что это была шутка.

С т а р ы й п а т р и ц и й *(сбитый с толку)*. Шутка, всего лишь шутка...

К а л и г у л а. Никто не собирается меня убивать, понятно?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Никто, абсолютно никто.

К а л и г у л а *(громко вздыхая, медленно)*. В таком случае, радость моя, исчезни! Благородный человек – такая редкость в нашем мире, что я не в состоянии созерцать его слишком долго. Я хочу побыть один и насладиться этой великой минутой.

Старый патриций торопливо удаляется.

Сцена 5

Калигула бросает взгляд на табличку, берёт её и читает. Потом громко вздыхает и зовёт стражника.

К а л и г у л а. Приведи Кассия! (*Стражник уходит.*) Постой! (*Стражник останавливается.*) Не забудь оказать ему подобающие почести.

Стражник уходит. Калигула некоторое время бродит по комнате взад и вперёд. Затем направляется к зеркалу.

К а л и г у л а. Идиот! Ты решил быть логичным. Остаётся выяснить, куда это тебя заведёт. (*С иронией.*) Луна станет моей, и всё сразу изменится, а невозможное станет возможным. А почему бы и нет? Кто знает? (*Оглядывается по сторонам.*) Как странно, людей вокруг становится всё меньше и меньше. (*Зеркалу, глухим голосом.*) Слишком много мёртвых, слишком много, это меня опустошило! Даже если луна будет моей, вряд ли я стану прежним. Даже если все мертвецы оживут, мои преступления не скроются бесследно. (*Яростно.*) Логика, Калигула, логика! Не отступай от логики. Власть до конца и до конца одиночество. Назад уже не вернуться, надо идти до конца.

Входит Кассий.

Сцена 6

Калигула, ссутулившись, сидит на ложе. У него усталый вид.

К а с с и й. Ты звал меня, Кай?

К а л и г у л а (*тихо*). Да, Кассий. Стражник, факел сюда!

Молчание.

К а с с и й. Ты хочешь мне что-то сказать?

К а л и г у л а. Нет, Кассий.

Молчание.

К а с с и й (*несколько раздражённо*). Кай, ты уверен, что моё присутствие здесь необходимо?

К а л и г у л а. Да, Кассий, совершенно уверен.

Снова молчание.

К а л и г у л а (*неожиданно заискивающе*). Прости, Кассий, я отвлёкся и плохо тебя встретил. Садись, побеседуем запросто. Мне захотелось поговорить с умным человеком.

Кассий садится.

К а л и г у л а (*очень естественно и просто*). Кассий, как ты считаешь: могут ли два благородных человека – хотя бы раз в жизни – поговорить друг с другом начистоту, отбросив прочь все предрассудки, личную выгоду и ложь?

К а с с и й. Думаю, что, в общем, это возможно. Но вряд ли ты на такое способен.

К а л и г у л а. Ты прав. Просто мне интересно знать, совпадают ли наши мнения. Ну что ж, наденем маски, будем лгать! Кассий, почему ты меня не любишь?

К а с с и й. Потому что тебя не за что любить, Кай. Потому что любви не прикажешь. И ещё потому, что я слишком хорошо тебя понимаю, а разве можно любить то, что тщательно в себе скрываешь?

К а л и г у л а. А почему ты меня ненавидишь?

К а с с и й. Ты ошибаешься, Кай. Я считаю тебя вредным, жестоким, эгоистичным, тщеславным человеком, но ненавидеть не могу: я знаю, что ты – не подлец.

К а л и г у л а. Тогда почему ты хочешь меня убить?

К а с с и й. Я уже сказал: ты вредный человек. Большинство людей чувствуют потребность в безопасности: они не желают жить в мире, в котором самая причудливая фантазия в мгновение ока превращается в реальность и острым ножом пронзает душу. Я тоже не хочу жить в таком мире.

К а л и г у л а. Безопасность и логика несовместимы.

К а с с и й. Согласен. Сказанное мной нелогично, но, тем не менее, здраво. К а л и г у л а. Продолжай.

К а с с и й. Мне нечего больше сказать. Я не собираюсь углубляться в твою логику – у меня свои представления о человеке и его долге, и я знаю, что большинство твоих подданных думают точно так же, как я. Ты тяготеешь надо всеми, и поэтому ты должен исчезнуть.

К а л и г у л а. Всё это понятно и вполне законно, для многих даже очевидно. Но только не для тебя. Ты умён, а ум или многое себе позволяет, или от многого отказывается. До сих пор ты отказывался, почему бы не начать наконец и позволять?

К а с с и й. Потому что я хочу жить и быть счастливым, а если я стану на сторону абсурда, то лишусь и того, и другого. Я – такой, как все. Иногда, желая почувствовать себя свободным, я мечтаю о смерти любимых людей, и нередко испытываю к женщинам вожделие, запрещённое законами семьи и дружбы. Будь я логичным, я стал бы убивать и насиловать. Но подобные неопределённые желания не имеют для меня особого значения. Если бы все начали воплощать их, мы не смогли бы ни жить, ни быть счастливыми. А это, повторяю, для меня важнее всего.

К а л и г у л а. Ты веришь в какую-то высшую идею?

К а с с и й. Я верю в то, что некоторые поступки могут быть лучше других.

К а л и г у л а. А я считаю, что все они одинаковы.

К а с с и й. Мне это известно, Кай, и поэтому я тебя ненавижу. Ты тяготишь собой всех – ты должен исчезнуть.

К а л и г у л а. Вполне справедливо. Но почему ты, рискуя жизнью, говоришь мне всё это?

К а с с и й. Потому что меня всегда заменят другие и потому что я не люблю лгать.

Молчание.

К а л и г у л а. Кассий!

К а с с и й. Что, Кай?

К а л и г у л а. Как ты считаешь, могут ли два благородных человека – хотя бы раз в жизни – поговорить друг с другом начистоту?

К а с с и й. Мы только что с тобой этим занимались.

К а л и г у л а. Да, Кассий. А ведь ты сказал, что я неспособен на такое.

К а с с и й. Признаю, Кай, что был неправ, благодарю тебя за урок и жду приговора.

К а л и г у л а. Приговора? Ах, ты имеешь в виду... (*Достаёт из тоги табличку.*) Тебе знакома эта вещь?

К а с с и й. Я знал, что она попала к тебе.

К а л и г у л а (*страстно*). И следовательно, вся твоя искренность была вынужденной! Так что поговорить начистоту нам не удалось. (*Пауза.*) Видно, иначе нельзя. Давай бросим играть в искренность и заживём, как прежде. Только старайся понимать смысл моих слов и

не обращай внимания на оскорбления и насмешки. (*Пауза.*) Послушай, Кассий, это письмо – единственная улика...

К а с с и й. Кай, я отказываюсь от этой противоестественной игры. Позволь мне уйти.

К а л и г у л а (*так же страстно*). Постой, не уходи! Ты согласен с тем, что оно – единственная улика?

К а с с и й. Чтобы убить человека, тебе не нужны улики.

К а л и г у л а. Верно. Но сейчас я хочу противоречить себе. Особого вреда от этого не будет, но как приятно иногда противоречить себе! Противоречие успокаивает, а я нуждаюсь в покое...

К а с с и й. Не понимаю, зачем все эти сложности?

К а л и г у л а. У тебя, Кассий, здоровая душа, ты равнодушен к невозможному. (*Взрыв смеха.*) Ты хочешь жить и быть счастливым, и ничего больше!

К а с с и й. Полагаю, что нам лучше на этом кончить.

К а л и г у л а. Нет, ещё не всё. Минуту терпения. Смотри, единственная улика – в моих руках. Я желаю считать, что не могу казнить тебя без неё, и нахожу в этой мысли успокоение. Так вот, гляди, во что превращаются улики в руках императора.

Калигула подносит табличку к факелу. Кассий подходит ближе. Их разделяет только факел. Восковая табличка начинает плавиться.

К а л и г у л а. Гляди, заговорщик! Она плавится, и по мере её исчезновения свет невинности озаряет твоё лицо. Кассий, какой у тебя чистый лоб! Как прекрасна твоя невинность! Я восхищён своим могуществом: даже боги, возвращая человеку невинность, наказывают его, а твоему императору, чтобы оправдать тебя, понадобилось лишь пламя факела. Продолжай, Кассий! Доведи до конца ту превосходную мысль, с которой только что меня познакомил. Твоего императора ожидает заслуженный покой. Только с мечтой о нём он может жить и быть счастливым.

Кассий в оцепенении смотрит на Калигулу.

Потом делает слабое движение рукой, открывает рот и внезапно уходит. Калигула по-прежнему держит восковую табличку над факелом и, улыбаясь, смотрит вслед Кассию.

З а н а в е с

Действие четвёртое

Сцена 1

*Сцена погружена в полумрак. Входят Кассий и Сципион.
Кассий идёт направо, затем налево и возвращается к Сципиону.*

С ц и п и о н (*отчуждённо*). Чего ты от меня хочешь?

К а с с и й. Время не терпит. Мы не должны колебаться, пришла пора действовать.

С ц и п и о н. С чего ты взял, что я колеблюсь?

К а с с и й. Ты не пришёл на вчерашнее собрание.

С ц и п и о н (*отворачиваясь*). Верно.

К а с с и й. Сципион, я старше тебя и не привык просить о помощи. Но в тебе я по настоящему нуждаюсь. Для этого убийства нужны люди, внушающие уважение, а среди всех этих оскорблённых честолюбцев и жалких трусов только у нас с тобой мотивы, ведущие к убийству, бескорыстны. Я знаю, ты нас не выдашь, но дело не в этом: я хочу, чтобы ты остался с нами.

С ц и п и о н. Понимаю, но остаться не могу.

К а с с и й. Так ты – с ним?

С ц и п и о н. Нет. Но и не против. (*Пауза, затем глухо.*) Если бы я его убил, моя душа была бы с ним.

К а с с и й. Но ведь он ведь казнил твоего отца!

С ц и п и о н. Да, с этого всё началось. И этим, по сути дела, кончилось.

К а с с и й. Он отрицает всё, во что ты веришь, осмеивает всё, что ты считаешь.

С ц и п и о н. Да. И тем не менее, что-то во мне напоминает его. Одно пламя сжигает наши души.

К а с с и й. Настало время выбирать. Я заглушил в себе всё, что напоминает его.

С ц и п и о н. А я выбирать не волен: помимо своих я страдаю его страданиями. (*Пауза.*) Моё несчастье в том, что я всё понимаю.

К а с с и й. Иначе говоря, ты признал его правоту.

С ц и п и о н (*кричит*). Кассий! Никто не может быть прав!

Пауза. Они смотрят друг на друга.

К а с с и й (*наступая на Сципиона, страстно*). Так знай же, за то, что он сделал с тобой, я ненавижу его ещё больше!

С ц и п и о н. Он научил меня быть требовательным.

К а с с и й. Нет, довёл до отчаяния! А ввергнуть юную душу в отчаяние – преступление, с которым не может сравниться ни одно, совершённое им. Оно вполне оправдывает его убийство.

Кассий направляется к выходу. Входит Геликон.

Сцена 2

Г е л и к о н. Кассий, я тебя искал. Калигула устраивает небольшую приятельскую встречу. Ты должен присутствовать. (*Поворачивается к Сципиону.*) А ты, голубчик, не нужен. Можешь быть свободен.

С ц и п и о н (*оборачивается в дверях к Кассию*). Кассий!

К а с с и й (*очень тихо*). Да, Сципион?
С ц и п и о н. Попробуй меня понять.
К а с с и й (*очень тихо*). Нет, Сципион.

Сципион и Геликон уходят.

Сцена 3

За кулисами раздаётся лязг оружия. Справа появляются два стражника. Они ведут двух дрожащих от страха патрициев.

1 – й п а т р и ц и й (*стражнику, пытаясь взять себя в руки*). Послушай, чего от нас хотят среди ночи?

С т р а ж н и к. Садись!

Указывает на ложе справа.

1 – й п а т р и ц и й. Если нас собираются убить, к чему эти сложности?

С т р а ж н и к (*старому патрицию*). Садись, старый осёл!

С т а р ы й п а т р и ц и й. Придётся подчиниться. Вероятно, этот человек ничего не знает.

С т р а ж н и к. Вероятно, милашка, вероятно.

Уходит.

1 – й п а т р и ц и й. Я же говорил, что надо действовать быстрее. Теперь нам не избежать пытки.

Сцена 4

К а с с и й (*садится, спокойно*). В чём дело?

1 – й п а т р и ц и й и с т а р ы й п а т р и ц и й. Заговор раскрыт.

К а с с и й. А дальше?

С т а р ы й п а т р и ц и й (*дрожа*). Пытка!

К а с с и й (*бесстрастно*). Однажды Калигула дал 80 000 сестерциев рабу, который даже под пыткой не сознался в своём воровстве...

1 – й п а т р и ц и й. Немного же мы добились!

К а с с и й (*продолжает*). ...явное доказательство того, что мужество ему по душе. Полезно иметь это в виду. (*Старому патрицию*.) Может быть, хватит стучать зубами? Нашёл время!

С т а р ы й п а т р и ц и й. Дело в том, что...

К а с с и й (*невозмутимо*). Вам известна любимая фраза Калигулы?

С т а р ы й п а т р и ц и й (*почти плачет*). Да. Он сказал палачу: «Убивай медленно, дай ему почувствовать, как он умирает».

К а с с и й. Нет, другая, получше. После одной казни он, зевнув, произнёс: «Больше всего меня восхищает собственная бесчувственность».

1 – й п а т р и ц и й. Слышите?

Лязг оружия.

К а с с и й (*продолжает*). Что раскрывает слабую сторону его психологии.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Может быть, хватит философствовать? Нашёл время!

В глубине сцены появляется раб, который приносит оружие и кладёт его на ложе.

К а с с и й (*не замечая раба*). Нельзя не признать, что этот человек оказывает на всех положительное влияние. Он заставляет думать. Опасность – вот что принуждает думать, и вот почему его так ненавидят.

С т а р ы й п а т р и ц и й (*дрожит*). Смотри!

К а с с и й (*замечает оружие, его голос несколько меняется*). Ты, кажется, прав.

1 – й п а т р и ц и й. Надо было действовать. Мы слишком долго выжидали.

К а с с и й. Пожалуй. Но сейчас говорить об этом поздно.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Какой ужас! Я не хочу умирать!

Он встаёт и направляется к двери. Входят два стражника и силой возвращают его на место. Первый патриций съёживается на своём ложе. Кассий говорит что-то неразборчивое. Внезапно из глубины сцены раздаются резкие дребезжащие звуки цитры и цимбала. Патриции замолкают и оглядываются. Позади занавеса появляется тень Калигулы в короткой тунике танцовщицы, с цветами в волосах. Калигула делает несколько нелепых танцевальных движений и исчезает. Чуть позже стражник торжественно объявляет: «Представление окончено!» В это время незаметно входит Цезония. Услышав её ровный голос, все вздрагивают.

Сцена 5

Ц е з о н и я. Калигула велел мне передать, что если прежде вас вызывали сюда для обсуждения государственных дел, то сегодня вы приглашены для общения посредством искусства. (*Пауза. Прежним тоном.*) К этому он добавил, что нежелающим общаться подобным образом будут отрублены головы. (*Патриции молчат.*) Прошу простить за настойчивость, но мне поручено узнать, понравился ли вам танец.

1 – й п а т р и ц и й (*нерешительно*). Да, Цезония, понравился.

С т а р ы й п а т р и ц и й (*признательно*). Конечно!

Ц е з о н и я. А тебе, Кассий?

К а с с и й (*хладнокровно*). Это высокое искусство.

Ц е з о н и я. Отлично, я передам ваши мнения Калигуле.

Сцена 6

Входит Геликон.

Г е л и к о н. Кассий, ты действительно считаешь это высоким искусством?

К а с с и й. В определённом смысле.

Г е л и к о н. Понятно. Ты – мужественный человек, Кассий. Двоедушный, как любой патриций, и вместе с тем – мужественный. А я – нет. И всё же я вам пальцем не позволю коснуться Кая, даже если он сам этого захочет.

К а с с и й. Не собираюсь устраивать с тобой дискуссий, однако замечу, что твоя преданность заслуживает всяческих поздравлений. Меня восхищают преданные слуги.

Г е л и к о н. Да, я служу безумцу, а кому служишь ты? Добродетели? Послушай меня. Я родился рабом и сперва, как подобает честному человеку, добросовестно плясал под плетью. Кай не устраивал со мной дискуссий, он просто освободил меня и взял к себе во дворец. И здесь я увидел вас, добродетельных и благородных. Увидел пошлые и мерзкие лица тех, кто никогда в жизни не страдал и не подвергался опасности. Увидел, что под вашими парадными одеждами скрываются ничтожные, трусливые и скупые души. И вы – смеете его судить? Вы,

лавочники добродетели, мечтающие о безопасности, как молодые девицы о замужестве, вы, которые умрёте от страха, так и не узнав, что лгали всю жизнь – вы смеет судить того, страданию которого нет конца, того, кто ежедневно истекает кровью из тысячи новых ран? Так знайте же, сначала вам придётся убить меня! Кассий, можешь презирать раба, но его преданность выше твоей добродетели, потому что он ещё способен любить своего несчастного хозяина и защитить его от ваших вероломных речей и благородной лжи...

К а с с и й. Милый Геликон, ты ударился в красноречие. А ведь когда-то у тебя был неплохой вкус.

Г е л и к о н. Зато вам всем вкус изменяет! Как старые супруги, вы до последнего волоска похожи друг на друга! Не бойся, я возьму себя в руки. Просто я... Взгляни мне в лицо! Гляди внимательно! Вот так. Ты видел сейчас лицо врага.

Уходит.

Сцена 7

К а с с и й. Пора действовать. Побудьте пока здесь.

Уходит.

С т а р ы й п а т р и ц и й. Побудьте, побудьте! А может, мне хочется уйти. (*Сопит.*) Здесь пахнет смертью.

1 – й п а т р и ц и й. И ложью. (*Грустно.*) Я сказал, что танец мне понравился.

С т а р ы й п а т р и ц и й (*примирительно*). Так оно и есть. В определённом смысле.

Быстро входят несколько патрициев и всадников.

Сцена 8

2 – й п а т р и ц и й. Не знаете, что случилось? Император велел нам явиться.

С т а р ы й п а т р и ц и й (*рассеянно*). Наверное, посмотреть его танец.

2 – й п а т р и ц и й. Какой ещё танец?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Ну, одним словом, общение посредством искусства.

3 – й п а т р и ц и й. Мне сказали, что Калигула тяжело болен.

1 – й п а т р и ц и й. Так оно и есть.

3 – й п а т р и ц и й. Что с ним? (*С восторгом.*) Клянусь богами, он умирает!

1 – й п а т р и ц и й. Вряд ли. Его болезнь смертельна только для других.

2 – й п а т р и ц и й. Я тебя понял. Но ведь существуют болезни менее тяжёлые и не столь опасные для нас?

1 – й п а т р и ц и й. Увы, его болезнь не терпит конкуренции! Прошу прощения, мне надо повидать Кассия.

Уходит. Появляется Цезония. Непродолжительное молчание.

Сцена 9

Ц е з о н и я (*с безразличным видом*). Калигула тяжело болен. Только что у него началась кровавая рвота.

Патрициии окружают её.

2 – й п а т р и ц и й. О всемогущие боги, клянусь, что в случае выздоровления Калигулы внесу в государственную казну двести тысяч сестерциев!

3 – й п а т р и ц и й (*театрально*). О Юпитер, возьми мою жизнь вместо него!

Входит Калигула.

К а л и г у л а (*направляясь ко 2-му патрицию*). Луций, я с благодарностью принимаю твой дар. Завтра к тебе придёт мой казначей. (*Подходит к 3-му патрицию и обнимает его.*) Октавий, ты не можешь себе представить, как я растроган! (*Молчание. Нежно.*) Значит, ты меня любишь?

3 – й п а т р и ц и й (*убеждённо*). Цезарь, нет ничего на свете, чего бы я ни отдал ради тебя!

К а л и г у л а (*снова обнимает его*). Ах, Октавий, я не заслужил твоей любви. (*3-й патриций протестует.*) Нет-нет, уверяю тебя, я не достоин. (*Подзывает двух стражников.*) Увидите его! (*3-му патрицию, тихо.*) Иди, друг. И помни, что Калигула отдал тебе своё сердце.

3 – й п а т р и ц и й (*начиная догадываться*). Куда меня ведут?

К а л и г у л а. На казнь. Ты ведь отдал свою жизнь вместо моей. Представь, я чувствую себя гораздо лучше. Исчез отвратительный привкус крови во рту. Октавий, ты меня излечил. И счастлив, наверное, что отдаёшь жизнь за своего императора? А я вновь здоров и готов вкусить все радости жизни.

Стражники хватают 3-го патриция, он сопротивляется и кричит.

3 – й п а т р и ц и й. Не надо! Не надо! Я пошутил!

К а л и г у л а (*мечтательно*). Скоро вдоль дороги к морю расцветут мимозы. Женщины оденут лёгкие туники. И надо всем – просторное холодное небо. Ах, Октавий! Какая ирония судьбы!

Стражники тащат 3-го патриция к двери. Цезония легонько его подталкивает.

К а л и г у л а (*поворачивается, неожиданно серьёзно*). Друг мой, если бы ты по-настоящему любил жизнь, ты не играл бы с ней так безрассудно.

Стражники и 3-й патриций удаляются.

К а л и г у л а (*возвращаясь к столу*). Проигравший расплывается. (*Пауза. Он поворачивается к остальным.*) Кстати, мне пришла в голову замечательная мысль, которой спешу с вами поделиться. До сих пор моё правление было слишком благополучным. Ни тебе эпидемии чумы, ни изуверской религии, ни даже государственного переворота, короче говоря, ничего такого, что сохранилось бы в памяти потомков. Так вот, я в какой-то степени компенсирую чрезмерное благоволение судьбы. Не знаю, понимаете ли вы меня... (*Со смешком.*) Одним словом, я заменяю вам чуму. (*Меняет тон.*) Но тише, тише! Идёт Кассий. За дело, Цезония.

Быстро уходит. Появляется Кассий, с ним 1-й патриций.

Сцена 10

Цезония торопливо подходит к Кассию.

Ц е з о н и я. Калигула умер.

Она отворачивается, как бы в слезах, и пристально смотрит на патрициев. Все молчат и имеют довольно подавленный вид.

1 – й п а т р и ц и й. Ты... ты в этом уверена? Не может быть! Он только что танцевал.

Ц е з о н и я. Танец его и сгубил.

Кассий быстро переходит от одного патриция к другому и возвращается к Цезонии. Все молчат.

Цезония (*медленно*). Кассий, почему ты молчишь?

Кассий (*так же медленно*). Какое великое несчастье.

Быстро входит Калигула и направляется к Кассию.

Калигула. Отлично сыграно, Кассий! (*Поворачивается и смотрит на остальных. С раздражением.*) Ну ладно! Не вышло – и не надо. (*Цезонии.*) Не забудь о том, что я сказал.

Сцена 11

Цезония молча смотрит вслед Калигуле.

Старый патриций (*неутомимо*). Цезония, не болен ли он?

Цезония (*со злостью глядит на него*). Нет, милашка, не болен. Но если хочешь знать, он спит всего два часа в сутки и целыми ночами бродит по коридорам своего дворца. Тебе никогда не догадаться, о чём он думает в эти изнурительные ночные часы. Болен? Нет, он не болен. По крайней мере до тех пор, пока не придумают название для его болезни и лекарство от язв, покрывших его душу.

Кассий (*задетый*). Ты права, Цезония. Мы знаем, что Кай...

Цезония (*быстро*). Да, знаете. Но, как и все, кто лишён души, не в силах помочь тому, у кого её слишком много. Слишком много! Вас это, кажется, беспокоит? Ну что ж, назовите это болезнью – всё сразу станет на свои места. (*Другим тоном.*) Кассий, ты когда-нибудь любил?

Кассий. Я слишком стар для этого, да и не уверен, что Калигула даст мне время для подобных занятий.

Цезония (*овладев собой*). Пожалуй. (*Садится.*) Я чуть не забыла про указания Калигулы. Вам, наверное, известно, что сегодняшний день посвящён музам?

Старый патриций. Согласно календарю?

Цезония. Согласно Калигуле. Он велел позвать сюда поэтов, которым предложит тему для импровизации, и высказал пожелание, чтобы те их вас, кто пишет стихи, тоже принял участие в конкурсе. В частности, рекомендовал Сципиона и Метелия.

1 – й патриций. Но мы не готовились.

Цезония (*как будто не расльишав, безразличным голосом*). Естественно, будут награды. Будут и наказания. (*Патриции несколько отступают.*) Могу сказать по секрету: не слишком тяжёлые.

Входит Калигула. Он выглядит мрачнее обычного.

Сцена 12

Калигула. Всё готово?

Цезония. Всё. (*Стражнику.*) Введи поэтов.

По-двое входят поэты и, шагая в ногу, направляются в правый конец сцены. Их около десятка.

Калигула. А остальные?

Цезония. Сципион! Метелий!

Сципион и Метелий присоединяются к поэтам. Калигула садится слева, в глубине сцены, рядом с ним – Цезония и остальные патрици. Короткая пауза.

К а л и г у л а. Тема: смерть. Время: одна минута.

Поэты принимаются торопливо писать на своих табличках.

С т а р ы й п а т р и ц и й. А кто входит в жюри?

К а л и г у л а. Я. Этого недостаточно?

С т а р ы й п а т р и ц и й. Нет, почему же, почему же!

К а с с и й. Кай, ты участвуешь в конкурсе?

К а л и г у л а. Это излишне. Я давно уже создал композицию на эту тему.

С т а р ы й п а т р и ц и й. С ней можно познакомиться?

К а л и г у л а. Я повторяю её ежедневно.

Цезония тревожно смотрит на него.

К а л и г у л а (*грубо*). Тебе не нравится моё лицо?

Ц е з о н и я (*тихо*). Прости.

К а л и г у л а. Ради бога, оставь это смирение! Я и без того с трудом тебя выношу, а тут ещё смирение!

Цезония медленно поднимается.

К а л и г у л а (*Кассию*). Я продолжаю. Композиция, созданная мной, доказывает, что я – единственный поэт, слышишь, Кассий, единственный поэт, у которого слова не расходятся с делом.

К а с с и й. Всё дело во власти.

К а л и г у л а. Совершенно верно. Тем, кто лишён власти, приходится творить. А я не нуждаюсь в творчестве: я живу. (*Грубо.*) Ну что, готовы? 1 – й п а т р и ц и й. Кажется, да.

В с е. Готовы.

К а л и г у л а. Тогда слушайте. Каждый из вас будет по очереди выходить из общего ряда. Первый начнёт чтение. Когда я свистну, он замолчит, и начнёт следующий. И так далее. Победителем окажется тот, кого я не прерву. Приготовились! (*Поворачивается к Кассию, доверительно.*) Во всяком деле необходима организация, даже в искусстве. (*Поэтам.*) Начали!

Свисток.

1 – й п о э т. О смерть, когда за чёрною рекой...

Свисток.

Поэт отходит налево. Остальные будут делать то же самое.

Механическая сцена.

2 – й п о э т. Три мойры в глубокой пещере...

Свисток.

3 – й п о э т. Тебя я призываю, смерть...

Яростный свисток.

4-й поэт принимает позу декламатора, но не успевает раскрыть рта, как раздаётся свисток.

5 – й п о э т. Когда я был ребёнком малым...

К а л и г у л а (*кричит*). Послушай, какая может быть связь между смертью и детством идиота? Отвечай!

5 – й п о э т. Кай, я ещё не кончил...

Пронзительный свисток.

6 – й п о э т (*откашливается*). Неумолимая, она бредёт...

Свисток.

7 – й п о э т (*загадочно*). Бесцветная и многословная молитва...

Прерывистый свисток.

Сципион выходит без таблички.

К а л и г у л а. Твой черёд, Сципион. Ты – без таблички?

С ц и п и о н. Обойдусь без неё.

К а л и г у л а. Тогда начинай.

Он перебирает во рту свисток.

С ц и п и о н (*стоит совсем рядом с Калигулой, но не смотрит на него. Устало.*)

*Поиски счастья, что снимает с человека вину,
Небо в слепящем сиянии света,
Прекрасное и страшное торжество,
Моё безумие без тени надежды.*

К а л и г у л а (*тихо*). Довольно. (*Сципиону.*) Ты слишком молод, чтобы по-настоящему знать о смерти.

С ц и п и о н (*глядя на Калигулу*). Я был ещё моложе, когда потерял отца.

К а л и г у л а (*внезапно отвернувшись*). Эй, стройся! Плохой поэт – слишком тяжёлое испытание для моего вкуса. До сих пор я надеялся, что мы – союзники, и думал о вас как о последнем отряде моих защитников. Всё тщетно, отправляйтесь в стан моих врагов! Поэты – против меня, и это конец. Выходите строем. Проходя мимо, лижите таблички, чтобы стереть с них следы своих безобразий. Внимание! Шагом марш!

Ритмические свистки. Поэты, шагая в ногу, уходят направо, облизывая по пути таблички.

К а л и г у л а (*очень тихо*). Уйдите все.

У двери Кассий трогает 1-го патриция за плечо.

К а с с и й. Пора!

Сципион слышит это, в нерешительности останавливается на пороге и возвращается к Калигуле.

К а л и г у л а (*зло*). Ты можешь оставить меня в покое, как это сделал когда-то твой отец?

Сцена 13

С ц и п и о н. Я знаю, Кай, что всё бесполезно – ты уже принял решение.

К а л и г у л а. Уйди.

С ц и п и о н. Ухожу. Кажется, я всё понял. Ни у тебя, ни у меня, так на тебя похожего, нет никакого выхода. Я уеду отсюда, чтобы открыть причину всего этого. (*Пауза. Он смотрит на Калигулу. С ударением.*)

Прощай, друг! Когда будешь кончать со всем, не забывай, что я любил тебя.

Уходит. Калигула смотрит ему вслед. Движение. Однако он резко встряхивается и возвращается к Цезонии.

Цезония. Что он сказал?

Калигула. Тебе этого не понять.

Цезония. О чём ты думаешь?

Калигула. О нём. О тебе. Впрочем, это одно и то же.

Цезония. Что?

Калигула (*глядит на неё*). Сципион ушёл – с дружбой покончено. Одному теперь удивляюсь: почему ты ещё здесь?

Цезония. Потому что я тебе нравлюсь.

Калигула. Не поэтому. Если бы я тебя убил, то, наверное, понял бы, почему.

Цезония. Прекрасный выход, можешь им воспользоваться. Но не лучше ли позволить себе хоть недолго жить свободно?

Калигула. Уже несколько лет я живу свободно.

Цезония. Я имею в виду другое. Пойми же меня! Как, наверное, прекрасно жить и любить, оставаясь невинным.

Калигула. Каждый обретает свою невинность по-своему. (*Пауза.*) Однако убить тебя не помешает. (*Смеётся.*) Твоя смерть станет вершиной моей жизни.

Калигула поднимается и поворачивает к себе зеркало. Потом начинает ходить по кругу, словно пойманный зверь.

Калигула. Странно! Когда я не убиваю, я чувствую себя одиноким. Живые не в силах заполнить мой мир и избавить от скуки. Когда вы здесь, рядом – передо мной открывается безмерная пустота, которую никак не охватить. По-настоящему мне хорошо только среди мёртвых. (*Калигула стоит лицом к зрительному залу, чуть наклонившись вперёд. Он словно забыл о Цезонии.*) Они – настоящие, такие же как я. Они ожидают и торопят меня. (*Качает головой.*) Я часто веду долгие разговоры с теми, кто молил меня о пощаде и кому я велел вырвать язык.

Цезония. Иди сюда. Положи мне голову на колени. (*Калигула повинуется.*) Тебе хорошо. Всё молчит.

Калигула. Молчит? Ошибаешься! Разве ты не слышишь лязг железа? (*Раздаётся лязг железа.*) И эти тысячи голосов скрытой ненависти?

Доносятся голоса.

Цезония. Никто не посмеет...

Калигула. Глупость посмеет.

Цезония. Она не убивает. Она уступает мудрости.

Калигула. Нет, Цезония, она – убийца. Глупость – убийца, поскольку считает себя оскорблённой. Меня убьют не те, кого я лишил отца или сына. Эти меня понимают, эти со мной. У нас во рту один и тот же привкус. Меня убьют те, кого я оскорбил и над кем надсмеялся. Против них у меня нет защиты.

Цезония (*горячо*). Мы любим тебя, мы тебя защитим, нас ещё много.

Калигула. Всё меньше и меньше, и я сам в этом виноват. К тому же надо быть справедливым: против меня не только глупость, но честность и мужество тех, кто хочет быть счастливым.

Цезония (*та же игра*). Нет, тебя не убьют. Небо испепелит их прежде, чем они к тебе прикоснутся.

Калигула. Небо? Бедная женщина... Нет никакого неба! (*Садится.*) Не понимаю, к чему столько любви сразу? Это не по нашему уговору.

Цезония (*поднимается и ходит по комнате.*) Разве мне мало видеть, как ты убиваешь других, а надо ещё непременно знать, что убьют тебя? Разве мне мало обнимать тебя, жестокого, истерзанного, и вдыхать в себя запах убийцы? Каждый день я вижу, как в тебе умирает человеческий облик. (*Поворачивается к нему.*) Мне известно, что я – старая и некрасивая женщина. Но любовь к тебе настолько изменила мою душу, что теперь мне совершенно неважно, любишь ты меня или нет. Я хочу только одного: увидеть тебя, совсем ещё ребёнком, исцелённым. Ради этого я готова отдать свою жизнь.

Калигула (*встаёт и смотрит на неё*). Слишком ты здесь задержалась.

Цезония. Да. Но ты всё равно меня оставишь?

Калигула. Не знаю. Знаю только, почему ты ещё здесь: из-за острых и безрадостных ночных наслаждений, из-за всего того, что тебе обо мне известно. (*Он обнимает Цезонию, одной рукой чуть отведя её голову назад.*) Мне – двадцать девять, совсем немного. Но сейчас, когда жизнь оказалась слишком затянувшейся, отяжелевшей и завершённой, ты – мой последний свидетель. Я не желаю отречься от своей постыдной нежности к стареющей женщине, которой ты стала.

Цезония. Обещай, что оставишь меня.

Калигула. Не знаю. Самое ужасное это то, что нежность к тебе – единственное подлинное чувство, которое у меня сохранилось.

Цезония выскользывает из его рук, Калигула следует за ней. Она прижимается к нему спиной, он её обнимает.

Калигула. Не лучше ли и последнему свидетелю исчезнуть?

Цезония. Мне всё равно. Я счастлива от твоих слов. Почему бы нам не разделить это счастье?

Калигула. Кто тебе сказал, что я несчастен?

Цезония. Счастье великодушно. Оно не может жить уничтожением.

Калигула. Значит, существуют два вида счастья, и я выбрал счастье убийцы. Ибо я счастлив. Было время, когда я решил, что достиг пределов боли. Но нет, оказалось, что можно идти дальше. И там, на самом краю, я нашёл бесплодное и могущественное счастье. Взгляни на меня.

Цезония поворачивается к нему.

Калигула. Цезония, смешно подумать, что в течение нескольких лет Рим боялся произнести имя Друзиллы. Все эти годы Рим ошибался. Я давно уже понял, что мне мало любви. Сейчас, глядя на тебя, я понимаю это вновь. Любить человека – значит стариться вместе с ним. Я не способен на такую любовь. Лучше Друзилла мёртвая, чем Друзилла старая. Принято считать, что особое страдание человеку причиняет мысль о смерти любимого существа. Нет, истинная его причина: мысль о том, что и печаль – преходяща. Даже горе лишено смысла. (*Пауза.*) Как видишь, и призрак любви, и горечь меланхолии оставили меня. Сегодня я свободнее, чем прежде: я освободился от воспоминаний и заблуждений. (*Горестно смеётся.*) Я знаю, что всё – преходяще. Как тяжело это знать! Из двух-трёх человек, которые пережили этот печальный опыт, каждый достиг своего безумного счастья. Цезония, ты досмотрела эту забавную трагедию до конца. Время пришло: занавес опускается.

Он подходит к ней сзади и обхватывает шею рукой.

Цезония (*в ужасе*). Неужели эта жуткая свобода и есть счастье?

Калигула (*медленно сжимает ей горло*). Можешь не сомневаться. Без свободы я остался бы ограниченным самодовольным человеком, а благодаря ей обрёл божественную проницаемость одиночества. (*Он понемногу возбуждается и всё сильнее сжимает горло Цезонии, которая совершенно не сопротивляется. Он говорит, склонившись к её уху.*) Я живу, я

убиваю, я обладаю властью разрушителя, после которой власть создателя кажется простым кривлянием. Это и значит быть счастливым. Вот моё счастье: невыносимое освобождение, всеобщее презрение, кровь, ненависть, безмерное одиночество, радость ненавидимого убийцы, неумолимая логика, дробящая людские жизни... (*Смеётся.*) Логика, которая раздробит и тебя, Цезония, и доведёт до предела то бесконечное одиночество, которого я жажду.

Цезония (*слабо*). Кай!

Калигула (*возбуждённо*). Довольно нежностей! Время не ждёт. Цезония, родная, время не ждёт!

Цезония хрипит и замолкает. Калигула опускает её на ложе и смотрит на неё блуждающим взглядом.

Калигула (*хрипло*). Ты тоже виновата. Но разве убийство – решение?

Сцена 14

Калигула в растерянности подходит к зеркалу.

Калигула. Калигула! И ты, ты тоже виноват. Чуть больше, чуть меньше – какая разница? Однако кто посмеет судить тебя в мире, где нет судьи и где все виноваты? (*Прислонясь лицом к зеркалу, с глубоким выражением скорби.*) Геликон так и не пришёл. Луна никогда не будет моей. Как горько сохранять разум и следовать своему долгу до конца. Как я боюсь конца! Лязг оружия... Это невинность готовит свой триумф. Почему я не с ними? Мне страшно! Как отвратительно: презирать чужую трусость и обнаружит её в собственной душе! Ничего, страху тоже придёт конец. Скоро, скоро, обрету я ту великую пустоту, в которой душа найдёт своё успокоение.

Калигула отходит и снова возвращается к зеркалу. Теперь он выглядит спокойнее.

Калигула (*тихо и сосредоточенно*). Всё кажется таким сложным, и однако же всё очень просто. Если бы луна стала моей, тогда бы всё изменилось. Но где, где утолить эту жажду? Какая душа, какой бог явит собой желанный источник? (*Опускается на колени и плачет.*) Ни в этом мире, ни в мире ином ничто не может меня успокоить. (*Протягивает руки к зеркалу.*) Впрочем, и мне, и тебе прекрасно известно, что мне надо. Мне надо, чтобы невозможное существовало. Невозможное! Я искал его на краю света, у пределов самого себя. Я протягивал к нему руки... (*Кричит.*) ...я протягиваю к нему руки – и натываюсь на тебя! Ты всегда оказываешься передо мной – о, как я тебя ненавижу! (*Пауза.*) Неужели я избрал неверный путь и ничего не достиг? Неужели в моей свободе нет ничего благого? Геликон! Геликон! Где ты? Какая тяжёлая ночь! Геликон не придёт: мы навсегда останемся виновными.

Из-за кулис доносится лязг оружия и крики.

Геликон (*показывается в глубине сцены*). Кай, берегись! Берегись!

Невидимая рука пронзает Геликона кинжалом. Калигула поднимается, берёт в руки скамейку и, тяжело дыша, подходит к зеркалу. Он смотрит на своё отражение, затем, резко подавшись вперёд, изо всех сил бросает в зеркало скамейку.

Калигула (*кричит*). В историю, Калигула, в историю!

Зеркало разлетается вдребезги, и в тот же момент из всех дверей появляются вооружённые заговорщики. Калигула с безумным смехом корчит

*им рожси. Старый патриций вонзает ему кинжал в спину, Кассий – в грудь.
Смех Калигулы переходит в икоту. Заговорщики наносят ему новые удары.*

К а л и г у л а (*смеётся и хрипит*). Я ещё жив!

З а н а в е с

1944 г.

Жан-Поль Сартр При закрытых дверях²

Действующие лица:

И н е с с а
Э т е л ь
Г а р с е н
С л у ж а щ и й

Сцена первая

Гарсен, служащий.

Гостиная в стиле ампир. На камине бронзовая статуэтка.

Г а р с е н (*входит, оглядывается*). Сюда?

С л у ж а щ и й. Сюда.

Г а р с е н. Значит, здесь...

С л у ж а щ и й. Да.

Г а р с е н. Я... (*Молчание.*) К обстановке придётся привыкнуть.

С л у ж а щ и й. Ваше дело.

Г а р с е н. А остальные комнаты? Тоже такие?

С л у ж а щ и й. Разные. К нам ведь попадают китайцы, индусы. Ампирная мебель им непривычна.

Г а р с е н. А мне? Знаете, кем я был раньше? Впрочем, неважно. Всю свою жизнь я прожил среди какой-то дурацкой мебели, в невыносимой обстановке. И мне это даже нравилось. Что вы скажете о столовой в стиле Луи-Филиппа?

С л у ж а щ и й. В гостиной в стиле ампир вам будет ничуть не хуже.

Г а р с е н. Ну хорошо, хорошо. (*Оглядывается.*) И всё-таки я не ожидал... Вы не знаете, что говорят там, внизу?

С л у ж а щ и й. О чём?

Г а р с е н (*широкий, неопределённый жест*). Ну... обо всём этом.

С л у ж а щ и й. Неужели вы верите всем этим глупостям? Да ещё из уст тех, кто никогда здесь не был? Попади они сюда...

Г а р с е н. Вот именно.

Оба смеются.

Г а р с е н (*становится вдруг серьёзным*). А где колья?

С л у ж а щ и й. Что?

Г а р с е н. Ну, колья, жаровни, вертелы...

С л у ж а щ и й. Вы шутите?

Г а р с е н (*смотрит на него*). Нет, не шучу. (*Молчание. Гарсен ходит по гостиной*). Зеркал, конечно, нет. Окон тоже. Ничего быющего. (*С внезапной яростью.*) А почему у меня отобрали зубную щётку?

² Совместно с Татьяной Шапошниковой. Первая публикация: «Часы», № 12 (1978).

С л у ж а щ и й. Ну вот. Теперь вы вспомнили про человеческое достоинство. Невероятно!

Г а р с е н (*гневно ударяет по ручке кресла*). Прошу избавить меня от фамильярностей! Я отлично понимаю, в каком положении нахожусь, но не позволю вам, чтобы...

С л у ж а щ и й. Прошу прощения. Что делать, если все клиенты задают один и тот же вопрос? Не успеют прийти и сразу же: где колья?.. Сначала им не до зубной щётки. А стоит чуть успокоиться: почему отобрали зубную щётку? Ну скажите, ради Бога, зачем вам здесь чистить зубы?.

Г а р с е н (*успокаиваясь*). В самом деле... (*Оглядывается*.) И зачем глядеться в зеркало? Вот бронзовая статуэтка – совсем другое дело... Уверен, что настанет момент, когда я буду глядеть на неё, не отрываясь. Да-да, во все глаза. И нечего от меня скрывать, я прекрасно знаю, в какое положение попал. Хотите, расскажу, как это бывает? Человек задыхается, тонет, в последний раз выныривает на поверхность – и что же он там видит? Бронзовую статуэтку! Какой ужас... Вам, конечно, запрещено отвечать на мои вопросы, но я и не настаиваю. Только знайте, что врасплох меня не застанешь. И не думайте, что чем-то меня удивите. Я прекрасно всё понимаю... (*Он снова начинает ходить по комнате*.) Зубной щётки нет. И кровати нет. Почему? Здесь никогда не спят?

С л у ж а щ и й. Конечно.

Г а р с е н. Так я и думал. А зачем здесь спать? Вами овладевает сон, глаза слипаются, вы ложитесь – и сон тут же пропадает! Остаётся лишь протереть глаза, подняться и начать всё сначала.

С л у ж а щ и й. Вы – просто поэт.

Г а р с е н. Замолчите! Я не собираюсь кричать и жаловаться, но я хотел бы встретить свою судьбу лицом к лицу. Не желаю, чтобы она обрушилась на меня сзади. Поэзия здесь не при чём. (*Пауза*.) Итак, здесь нет нужды во сне. Прекрасно! Пойдите... пойдите... Но ведь это невыносимо – жить без перерыва.

С л у ж а щ и й. Без какого перерыва?

Г а р с е н (*передразнивая*). Без какого перерыва! (*С подозрением*.) А ну-ка взгляните на меня! Ну конечно же! Теперь мне понятно, почему у вас такой неискренний и невыносимый взгляд. Клянусь, они у вас атрофированы.

С л у ж а щ и й. О чём вы?

Г а р с е н. У вас неподвижные веки. А у нас они вздрагивали и соединялись. Это называлось: моргнуть. Мгновенная чёрная молния, упавший и тут же взлетевший занавес – вот и перерыв. Четыре тысячи перерывов в час. Мир погибает, глаз живет. Знали бы вы, как это освежает! Четыре тысячи побегов из мира ежечасно. Четыре тысячи... И что же? Жить здесь без век? Без сна? Как это вынести? Там, внизу, у меня была ночь. Я спал. Мне часто снился один и тот же сон. Луг, широкий зелёный луг – и всё. Компенсация. Мне снилось, что я прогуливаюсь по лугу... Сейчас день?

С л у ж а щ и й. Как видите, свет горит.

Г а р с е н. Чёрт возьми! Это ваш день. А снаружи?

С л у ж а щ и й (*удивлённо*). Снаружи?

Г а р с е н. Ну да! Что у вас за стеной?

С л у ж а щ и й. Коридор.

Г а р с е н. А в конце коридора?

С л у ж а щ и й. Снова комнаты, коридоры, лестницы...

Г а р с е н. А дальше?

С л у ж а щ и й. Это всё.

Г а р с е н. Понятно. (*Пауза*.) У вас есть выходной день? Как вы его проводите? Куда-нибудь едете?

С л у ж а щ и й. К моему дядюшке. Он служит на четвёртом этаже.

Г а р с е н. Чёрт возьми, это можно было предвидеть. А где выключатель?

С л у ж а щ и й. Его нет.

Г а р с е н. То есть как нет? Разве свет нельзя погасить?

С л у ж а щ и й. Дирекция может отключить освещение, но на этом этаже такого ещё не бывало.

Г а р с е н. Ну что ж, придётся жить с открытыми глазами.

С л у ж а щ и й (*с иронией*). Жить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.